

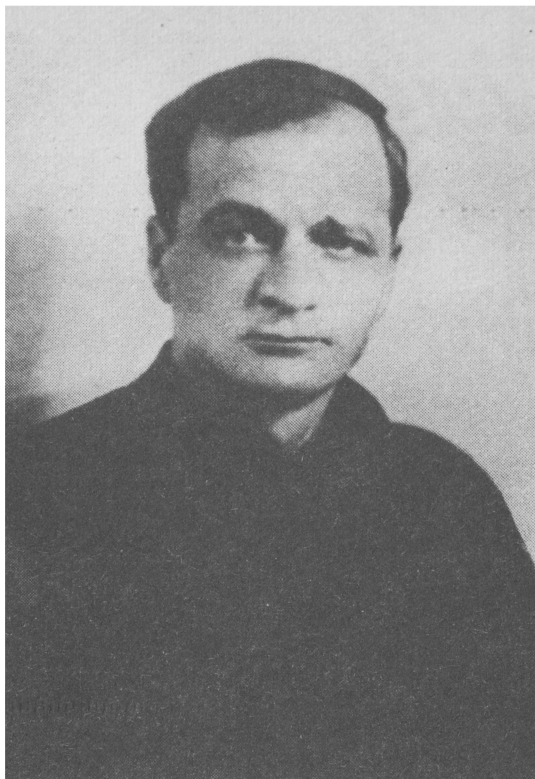
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 28 1991

Андрей ПЛАТОНОВ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАН

Б И Б Л И О Т Е К А   «ОГОНЕК»   № 28

Издается с января 1925 года

Андрей ПЛАТОНОВ

ТЕХНИЧЕСКИЙ
РОМАН

Москва. 1991.

АРЕСТОВАННОЕ СЛОВО

Был ли репрессирован Андрей Платонов? Известно, что арестам этот человек не подвергался. Но писатель Андрей Платонов был репрессирован. Сегодня мы можем с уверенностью это сказать. И не только потому, что он изолировался властями от своего читателя, годами не печатался и жил в нищете. Более того, как оказалось, арестованы были его рукописи и протомились на Лубянке до нынешних дней.

Такое открытие сделала рабочая группа, состоящая из ответственного работника КГБ А. А. Краюшкина, сотрудника Прокуратуры СССР А. Н. Омельченко и автора настоящего предисловия, уполномоченного для этой работы Всесоюзной комиссией СП СССР по литературному наследию репрессированных писателей. Задумана группа была как «антитройка» в пику тем «тройкам», которые в печальное время творили расправу над невинными людьми; теперь, стало быть, для противоположной цели — восстановления справедливости, обретения исторической правды. Только один из углов «треугольника» вместо представителя партии занял представитель литературной общественности, поскольку речь — о судьбе Слова, о писательских судьбах. И главное отличие, конечно, — время на дворе другое.

Как работает «антитройка»? Мы изучаем следственные дела писателей одно за другим, передаем документы и уцелевшие рукописи в печать и в открытое хранение, занимаемся реабилитацией. Пробуем, пока только пробуем действовать сообща (дают о себе знать воспитанные десятилетиями оглядка и недоверие, чувствуются еще железные перегородки тоталитарной власти; дело невиданное, постепенное, на ощупь, с откатами, похожее на шаги по минному полю, — сам материал, отнюдь не академически отстоявшийся — гремучий, взрывоопасный). Но возможность такой работы — уже факт позитивный, обнадеживающий, вестник освобождения, которое переживает страна, возвращения не просто исторического знания — сознания.

И вот неизвестный замысел Андрея Платонова — «Технический роман» — такая папка легла на этот раз перед нами. Сверху гриф: «Объединенное государственное политическое управление. Секретно-политический отдел». «Изъято при обыске» — значит в скобках. При каком обыске, у кого — пока загадка. Место и дата: «Москва, 1933 г.»...

Это критический момент в жизни Платонова. После публикации повести «Впрок» в «Красной Нови» (1931) на писателя обрушивается гнев самого «вождя всех времен и народов». Платонов бросил вызов власти. Как это у него в повести: «И тут Кондров обернул «Правдой» кулак и сделал им удар в ухо предрика...»?

По воспоминаниям жены писателя, Сталин, прочитав повесть, написал на ней: «Сволочь!» По другим сведениям, он в беседе с Фадеевым сказал: «Вмазать так, чтоб было впрок...»

После такой резолюции самого высокого ценителя нашей литературы судьба Платонова повисает на волоске. Его перестают печатать, подвергают общественной травле. Остается только собрать узелок. «В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую действительность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного руководящего города...» Это начало повести «Впрок» звучало теперь символически для автора и грозило приобрести совсем не символический смысл. Рукописи Платонова вместо редакций перекочевывают на Лубянку, их внимательно изучают литературоведы в мундирах. Ждут только команды...

Да, Платонов вступил в прямой диалог со Сталиным! Отсюда его фраза, должная, видимо, стукачам и попавшая в досье: «Мне все равно, что другие будут говорить. Я писал эту повесть для одного человека (для тов. Сталина), а этот человек повесть читал и по существу мне ответил. Все остальное меня не интересует... (См. в «Приложении» «Справку об авторе...»)

Платонов в это время еще молод, ему только 33 года — знаменательный возраст! И он переживает расцвет своего дара, взрыв творческой мощи. Лучшие книги написаны как раз в эти годы: «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море», пьесы, рассказы... Главное слово уже сказано, но еще не услышано, не известно обществу. К этим главным его произведениям мы можем прибавить теперь и «Технический роман». Перед нами второй или третий экземпляр машинописи, сделанный довольно небрежно, с ошибками. Подзаголовок гласит: «Выписки из рукописи неопубликованного романа». Кто делал выписки, где весь роман, был ли он дописан — остается неясным. Причем это лишь первая часть «Технического романа» — «Хлеб и чтение». Готовые, отделанные части текста перемежаются вставками — очень краткими изложениями недостающих частей. Будто перед тобой строение с необрунными лесами, но и масштаб, и архитектура, и качество налицо.

«Я человек технический», — говорил, бывало, Платонов. Вот и роман — «технический».

Зерно, из которого разрастается «Технический роман», — ранний рассказ «Родина электричества» (1926). Около трех страниц из пятидесяти почти совпадают — это вообще характерно для Платонова: вариантность темы, отпочкование сюжетных веток, клеточное деление образов, неопределенность исхода. По строению его проза — живой организм, очень «биологична».

Юность героя — Революция. Мечта героя — Электричество. А вокруг — засуха, голод, беда. Революция плюс Электричество — Всеобщее Счастье. (Пока все совпадает с руководящей идеей, генеральной линией: «Советская власть плюс электрификация всей страны...») Из такой социальной арифметики исходит герой

рассказа — дитя своего времени, из такой арифметики исходил тогда, когда происходит действие в рассказе — 1921 год, — и юный Платонов. Написан рассказ от первого лица и насквозь автобиографичен: Платонов в то время усиленно занимался электротехникой, даже написал книжку — «Электрификация». В своей «Автобиографии» он сообщает: «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой... Я работал... по электрификации сельского хозяйства (построены 3 электростанции)...» Тяга к революции и электричеству у Платонова — непосредственно от сердца: помочь миру, спасти гибнущих. Революция — молния. Пусть эта молния в руках человека не разрушает, а созидает!

Что же произошло с идеей рассказа спустя семь лет, когда он превращался в роман? Эта метаморфоза — вылет бабочки из кокона, выход художника из туманной, прекраснотушной мечты на трезвый тразический свет истины.

Главный герой «Технического романа» Семен Душин, в рассказе еще выступавший как «Я», теперь становится другим человеком, в чем-то для автора неприемлемым, враждебным. Это взгляд на себя — прежнего, фанатичного, даже безжалостного в стремлении к идеалу. Мечта повернется жизнью и все больше расходится с правдой. Авторское «Я» уже разделено между двумя главными героями — Душиным и Щеголовым, и никто не владеет истиной, все ее только ищут. У каждого — своя мечта и своя правда: как совместить их? Была ведь еще одна правда, впрямую в романе не названная, которая и до сих пор нами не усвоена, не переварена до конца. Г. М. Кржижановскому: «Мобилизовать всех без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-математический факультет и пр. Обязанность: в неделю не менее 2 (4?) лекций, обучить не менее (10—50?) человек электричеству. Исполнишь — премия. Не исполнишь — тюрьма» (декабрь, 1920)*.

Иллюзии рухнули. Взгляд изменился. Стало ясно, что понимания и мирного исхода в поединке с властью для Платонова быть не может. Так оно и случилось. Правда, сам Платонов не был арестован. Но есть и другие способы кары — изофреннейшие... Для писателя это были арест в 1938-м сына Платона, заключение юноши в лагерь, после чего — туберкулез и ранняя смерть. От этой же болезни умрет и сам писатель.

До конца жизни у Платонова останется страх перед потерей трудов своих. Несколько рукописей унесут при аресте сына. В эвакуации, на вокзале в Уфе, Платонов, как рассказывают, на время сна привязывал к руке папку с рукописью книги «Путешествие из Ленинграда в Москву». И что же? Рукопись была все-таки кем-то украдена, осталась пустая папка. Книга утрачена навсегда.

Есть писатели, соответствующие своему времени, совпадающие по уровню с современниками и потому — счастливы, снискавшие популярность у них. И есть — опережающие время, до которых надо еще тянуться. Платонов труден, потому что требует от читателя ответной работы, роста души. Как он сам говорит в одной из статей, «великий художник требует, чтобы его завоевывали

* Ленин В. И. ПСС, т. 52, с. 38.

или по крайней мере осваивали». Когда читаешь Платонова, хочется запомнить наизусть целыми страницами его ключевые мысли, афоризмы, метафоры — в них не книжная философия, а природная мудрость. Есть ли другой такой первоуродный и цельный мастер в русской прозе советского времени? Он действительно воспринимается более как явление природы, чем искусства, культуры. Что называется — «натуральный человек»? Платоновская проза столь густа, что бывает довольно для одного раза нескольких страниц — и все, сыт, больше не могу! Все равно как есть мед: много ли осилишь?

Главное художественное открытие Платонова — новый герой, которого до него не было в литературе. Для себя я определил этого героя так: Народ-Сирота. Сирота, лишенный кого? Бога? Матери-Земли? Или еще бедственней — обоих, круглый сирота?

Лучший образ «Родины электричества», перешедший в «Технический роман», — мудрая старушка, ростом с ребенка (она, собственно, и есть Матерь-Земля). Юноша поднял ее на руки, «сознавая всю вечную ценность этой ветхой труженицы». Он «попрощался с нею, поцеловав ее в лицо, и решил посвятить ей свою жизнь, потому что в молодости всегда кажется, что жизни очень много и ее хватит на всех старух».

Что же этот обет? Платонов исполнил его до конца.

Есть такая литературная притча.

В одном из московских дворики бегают мальчик, гоняет мяч, кричит и мешает даме на третьем этаже читать последний роман Эриха Марии Ремарка. В это время Эрих Мария Ремарк сидит в кресле-качалке на вилле в Швейцарии и размышляет о жизни. «Нет, — думает он, — жизнь прожита не зря. Я написал несколько хороших книг, меня знают во всем мире, я боролся с фашизмом... Но все же Хемингуэй пишет лучше меня!»

Хемингуэй в это время стоит на палубе своего катера в Карибском море — стоит, крепко обив в палубу подошвы, шляпа на глазах, в зубах трубка, — леска натянулась — ждет большую рыбу. «Черт возьми, — думает он. — Я жил, как настоящий мужчина! Работал как вол, боролся с фашизмом, у меня было много всего — славы, денег, женщин, я охотился на слонов и носорогов. И все же, и все же... Платонов пишет лучше меня!»

А Платонов в это время бежал с метлой в одном из московских дворики за мальчишкой, который гонял мяч, кричал и мешал даме на третьем этаже читать последний роман Эриха Марии Ремарка.

Виталий Шенталинский

ТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАН

1. Хлеб и чтение

Жил на свете рыцарь бедный...

Пушкин

Бывший паровозный машинист Семен Душин и его помощник Дмитрий Щеглов по окончании гражданской войны поступили в электросиловой факультет гор. Ольшанска. После учения, вечером, студентам института раздавали по куску хлеба и они уходили домой, а некоторые из них оставались в пустынных аудиториях и съедали хлеб тут же. Оставшиеся собирались вместе и проектировали мелом на доске устройство будущего света. Душин предлагал создать социализм на простой силе рек и ветра, из которых будет добываться электричество для освещения и отопления жилищ и движения машин, а материнское девственное вещество земли нужно не разрушать и не трогать — оно должно впоследствии послужить науке для суждения о неясной судьбе вселенной и ответить на вопрос жизни — правильно ли действует частный разум людей и их небольшое чувство в сердце, когда человечество желает отрегулировать течение мира, — или человек лишь мнимое существо и ярость его действий есть бой невесомого, а стихия всемирного вещества исчезает мимо в неизвестном гремящем направлении к своему торжественному концу.

Душин хотел, чтобы земля пролежала нетленным гробом, в котором сохранилась бы живая причина действительности, чтоб социалистическая наука могла вскрыть гроб мира и спросить сокровенное внутри его: в чем дело? — и слух точной науки тогда услышит, быть может, тихий, жалобный ответ.

Душин боялся втайне, что последующие люди разовьют такую энергию действий, что без остатка уничтожат все мировое вещество и больше ничего не случится.

Щеглов также был согласен с неприкосновенностью земного шара, потому что его отец и мать, четыре сестры и семь братьев лежали в могилах, а он жил один и должен теперь привлекать к научной ответственности все сокрушительные силы непонятого пространства. Однако, когда Щеглов смотрел глазами исподлобья в высоту ночи или видел истощение людей во взаимной истирающей суете, он понимал, что человек есть местное, бедное явление, что природа обширнее, важнее ума и мертвые умерли навсегда.

Пожилый студент Боргсениус, променявший жену-шведку и двоих детей на коммунизм в России, сделал расчет о силе рек и ветра, и силы той получилось достаточно, чтобы пропитать и согреть двадцать миллиардов людей.

Далее рабочие студенты приходили к вопросу об электричестве. К тому времени уже по всей стране революции шли слухи об этой таинственной силе, о молниеносном предмете, похожем в точности на Октябрьскую революцию, и все думающие большевики также озадачивались перед фактом электричества. В некоторых деревнях, как раз самых дальних и забвенных, председатели сельсоветов совместно с кузнецами и конторщиками уже строили электрические станции около публичных колодцев, пользуясь мотоциклами, брошенными убежавшими империалистами, — при этом, вследствие отсутствия бензина, моторы мотоциклов гонялись самогоном, добытым из хлеба, а так как самогон горел в моторах плохо, то к мотору прибавлялся местный ум машиниста — и моторы все-таки вращались, а в темных избушках горел свет.

Студенты-электрики понимали, что это мотоциклетное избушечное электричество есть заблуждение с технической стороны, но сердце каждого волновалось от воображения работающего тока во тьме и скуке бедняцкой земли. Узнав про такое событие, Душин засмеялся от радости и сказал всем, что от электричества в соломенной грустной избушке, может быть, начнется весь социализм, — это Октябрьская революция, превращенная из надежды в вещество.

— Нам надо, — сказал Душин, — сходить в комитет партии, пусть большевики постараются подумать об этом, пусть они надышат своей политикой теплоту в те электрические избушки, чтоб они не остыли и не потухли в таком темном, царствующем холоде.

Коммунист Боргсениус решил, что лучше всего сходить в комитет партии самому Душину — он хороший электрик, хотя пока и беспартийный, пусть объяснит точное свое мнение. Душин пошел на другой день в комитет. Комитетом заведывал бывший истопник центрального отопления Чуняев; он обладал таким любопытством, что прочитал все архивы Земской управы и Палаты Мер и Весов — перед тем, как сжечь их в топке водного котла. Чуняев усвоил сообщение Душина со всей громадной силой своей души, беспрерывно готовый на любое пышное

и грандиозное дело, и даже прослезился от слабости человеческого сердца. Одного он не понял — берегущей любви Душина к таинственной точке, засветившейся в унылой тьме нищего пространства, и того, что, может быть, больше ничего не требуется для сплочения коммунизма на земле, кроме развития электричества из рек и ветра. Коммунизм уже близок, он таится в проводах, повешенных на истлевший плетень!

— А что это такое — электричество? — спросил затем Чуняев, уже согласившись на все. — Радуга, что ли?

— Молния, — объяснил Душин.

— Ах, молния! — согласился Чуняев. — Вот что! Ну пускай! А ведь и верно, что нам молния нужна! Как ты догадался? Мы уж, братец ты мой, до такой гибели дошли, что нам действительно нужна только одна молния, чтоб — враз и жарко! Научно и великолепно!.. Ну а тебе-то чего надо?

Душин выразил желание съездить в деревню — посмотреть электрическую станцию, а потом поставить добычу электричества во всенародном масштабе.

— Буржуазия, товарищ Чуняев, отчего была культурна? — спросил Душин. — У нее был пролетариат, который работал, а буржуазия только питалась и размышляла...

— Она не размышляла, она размножалась, — поправил Чуняев. — Делала вид размножения, а получалось одно наслаждение...

— Ну, не размышляла, — согласился Душин. — Но у нее было время для размышления. А у пролетариата ведь нет никого — ему самому приходится работать, ему задуматься некогда над разными вопросами мира! Вот и пусть теперь электричество поработает, а рабочий класс подумает — ему много задач предстоит в судьбе!..

— Опять-таки верно! — воскликнул Чуняев. — Пускай рабочий класс поработает с мирозерцанием, а не с балдой, пускай электричество-сво-лочь теперь помучается! Она ведь не живая?

— Неизвестно, — ответил Душин. — Оно тайное.

— Ну и пусть! Орудуй! Что надо — являйся ко мне — круглые сутки!

— А как же начать орудовать? — спросил Душин.

— Как-как! — раздражился Чуняев: сам он умел орудовать безо всего, даже без указаний. — Учреждаю комиссию по всему электричеству в губернии, а ты председатель! Ты член партии?

— Нет.

— Ну, ничего. Будешь в виде исключения... А отчего ты не член?

— Сам не знаю, — произнес Душин.

— Зря! Напрасно! Никуда не годится! — выразился Чуняев. — Что

же ты, не хочешь смысл жизни строить с нами среди всего вещества? Ты чуждый, что ль?

— Нет, я свой,— сказал Душин и удивился тому, что целые массы, вся партия строит всемирную истину, а он думал, что только он один желает ее.

— Ну, ступай,— странно посмотрев на Душина, определил Чуняев.— Нечего теперь непосредственно мотаться в нужде: сделаем электричество и весь коммунизм готов. Сильней электричества ведь ничего еще нету?

— Нет,— подтвердил Душин.

— Ну значит нам подходит! Действуй, стремись скорее вдаль, а то живешь и сердце скорбит: не то это все верно, не то нарочно...

— Что верно? — спросил Душин.

— А любой предмет,— объяснил Чуняев,— и человек, и вихрь... Так один не решишь же никогда: ума мало и горизонт близок, а со всеми массами, может, и выясним центральную точку всемирного недоразумения. Ты думаешь, мы буржуазию победили для одного торжества, что ли: победители, дескать, и герои веков! Для дальнейшего движения, вот для чего. Буржуазия — одна ближняя застава, а дальше — еще тыща бу-гров... Что же делать: надо терпеть, весь свет есть научный вопрос, а массы решают его своим мученьем.

— А что если, товарищ Чуняев, наука увидит в конце концов, что мир состоит из одних вопросов!..

Ярость мысли появилась на здоровом добром лице Чуняева:

— Да ну?! Оттого, наверно, из целых миллиардов лет и не получается ничего!.. Ну и пускай! Мы тогда сразу сделаем из этих вопросов одно решенное дело! Я ведь такой человек! И все наши массы такие! Мы дознаемся с точностью, откуда человек произошел: от обезьяны или еще хуже! Мы всех мертвецов выкопаем, самого ихнего начальника Адама найдем, на ноги его поставим и спросим: ты откуда явился, либо бог, либо Маркс,— говори, старичок! Если скажет правду, Еву ему воскре-сим, а нет — будем перевоспитывать. Мы ведь такие люди! Мы живем ответственно! Мы — жуткие!

Душин молча изучил устройство электростанции, не обращаясь к задумчивому механику. Под сиденьем мотоцикла он прочел номер машины: Е-Р-401 и удивился, что это был номер его паровоза, а под тем номером имелась еще мелкая английская подпись, означавшая в переводе воинскую часть: «7 британский королевский колониальный дивизион».

Провода от электростанции на деревне шли под землей, в глухом кабеле, и вечером торжественно сияли окна избушек, охраняя от тьмы революцию.

В начале ночи Душин вошел в одно бедняцкое жилище: он увидел, что четверо детей лежали на лавках и глядели на моргающий электри-

ческий свет, не желая спать от интереса; ихняя мать тоже выглядывала с печки на свет, надеясь, что он быть не может и вскоре погаснет; сам же пожилой хозяин сидел за столом и читал книгу под освещением, произнося вслух склады очередного слова: мо-мо-мо...

Душин издали поздоровался со всеми и сел в стороне, следя за действительно горящей лампочкой в двадцать пять свечей. Начитавшись, хозяин жилища сложил книгу, завернул ее в старую гербовую бумагу и спрятал в сундук на замок: он высоко ценил печатные мысли, потому что они давали ход его собственному соображению; он не надеялся ни на что, кроме науки, и любил свободу сердцем империалистического невольника, запертого на время в нищую хижину.

Когда они уже наговорились в течение часа, только тогда житель избы подал руку гостю и объявил себя: «Иван Матвеевич Агурейкин, безлошадный бедняк, живу так себе, но теперь надеюсь».

— На что же вы надеетесь? — спросил Душин.

— Нас с наукой соединяют, — ответил Агурейкин и показал на электрический свет, — всемирная мысль идет нам навстречу, я гляжу на нее и надеюсь...

Здесь Агурейкин вывернул лампу из патрона, и свет погас. Агурейкин полагал, что не следует теперь тратить без счета народные силы, поскольку они являются уже научным веществом — электричеством. Дальнейшие переговоры происходили уже в темноте, и дети тоже не спали, а шептались чего-то, все более удивляясь тревоге жизни, охватывающей их мелкие худые существа. Агурейкин же, несмотря на малограмотность, успел за революцию прочитать столько книг, что ум его тронулся с места, стремился в такую даль познания загадок, где неизвестно что было. Электричество, астрономию, силу тяготения и прочие естественные данные Агурейкин представлял не логическим способом, а в виде цветущего бурьяна бушующих явлений, в дебри которого отправится навеки блуждать новое умственное человечество, освобожденное от насущной скорби своего пропитания.

Оставив Агурейкина думать о свободе человека в гуще мировых сил, Душин пошел дальше по улице электрических избышек. По всему пространству лежала теплая обширная ночь, некоторые девушки ходили по дороге со своими женихами, и без сознания шелестели лопухи в овраге. Душин спустился в овраг, постоял там в глуши, слушая рабочее биение отдаленного английского мотоцикла, и направился в другое жилище.

Кроме пожара, **вихря**, ливневого размыва и другого бедствия деревенской стихии, были, видимо, другие стихии, которые разрушали сельские избы с могуществом и точностью урагана. Мимо одной такой избышки Душин прошел было, но потом вернулся к ней с грустным чувством. Эта изба походила на старушку, оставшуюся одинокой в мире

после похорон всех своих поколений, и жить которой было не для кого, поэтому она стояла в нечистоплотном беспамятстве, в обмороке отчаяния. Кругом избы не было двора, отходы жизни выливались тут же в землю и пропитали почву настолько, что трава давно не могла расти; ветер или время уничтожили с крыши все остатки соломы, и бедность ничем не сумела покрыть тощие жерди; побелку стен и даже глину выел дождь, так что виднелись наружу самые кости избушки — кривые бревна, уложенные туда не позднее середины девятнадцатого века, потому что с них сыпался глеч от трения пальцем; из трех окон того жилища два были заглушены вслепую каким-то прахом, но зато третье окно светилось блестящим электричеством и на подоконнике цвело растение в горшке; ни фундамента, ни завалинки у избушки не было, а если что было, то уже ушло в землю — таким образом это ветхое здание погружалось в свою могилу. Душин прислушался: в избушке кто-то неясно пел, словно женщина.

В этой избушке Душин встречается с девушкой. Начавшееся сближение прерывается приходом нескольких молодых людей, и вскоре вслед за ними приходит отец девушки.

— Здравствуйте, женихи! — сказал старик всем присутствующим. — Ишь, невеста! — обратился он к дочери. — Нынче у хозяина поп из волости в гостях был, а я спивки допил и куски дочери собрал...

Его черноволосая дочь сейчас же начала есть остаточные куски с зажиточного стола, а старик, опьянев от хозяйских опивок, начал говорить всем женихам про великую идею всемирной спекуляции, которая мгновенно вдарила ему сегодня в голову при виде застольного торжества ту-неядцев.

Старик враз сбегал к соседям за бумагой и чернилами и, вернувшись, велел тут же писать одному жениху письмо Владимиру Ильичу Ленину. Жених сел к столу против невесты и начал писать, не интересуясь всемирным вопросом. Старик подробно высказал свою идею превращения злобной буржуазии в смиренное и бедное население, вполне покорное советской власти. Для этого надо заложить в главном банке капитализма всю российскую советскую республику — и сушу ее, и всю жидкость на ней, и даже твердь над нею. А когда банк капитализма выдаст облигации на тысячи миллиардов рублей, то эти облигации поручить Владимиру Ильичу, а он пусть играет тогда пролетарскими талонами среди мировых акул на сцене хищников биржи. Раз Владимир Ильич — гений и раз он будет богаче любого империалиста, следовательно, он легко обыграет все те элементы, которые украли мир себе в карман. Следовательно, всю буржуазную сушу вполне можно завоевать посредством спекуляции на всемирной бирже, посредством одних арифметических действий с облигациями в гениальном уме.

— Подпишись теперь полностью за меня! — со страстью своего торжествующего чувства воскликнул старик. — Пиши. Пиши подробно: батрак кулака Болдырева Иван Поликарпович Вежличев, сочувствующий всей контрастке на паразитов... Владимир Ильич, спекулируй, пожалуйста, доведи буржуазию до капитального краха, до полнейшего убытка и нищенства, ограбь ограбленное, действуй экономически, мой стаж жизни пятьдесят семь лет, тружусь в рабочих полвека, вся надежда — мечта, семейное положение — вдовец и дочка Лидия, гордость республики за красоту... Все поспел написать?

— Управился, — сказал жених и нарисовал в конце письма почем-то аэроплан.

Наутро Душин и Лидия решают, что она будет его женой и выедет в город, где будет дожидаться его возвращения. В поле они встречают крестный ход по случаю засухи. Душин разговаривает с оставшей от хода старушкой.

— Не молитесь, бабушка, лучше никому. Природа не слышит ни слов, ни молитвы, она боится только разума и работы.

— Разума! — произнесла старуха с ясным сознанием. — Да я столько годов прожила, что у меня разум да кости — только всего и есть! А плоть давно вся в работу да в заботу спущена — во мне и умереть-то мало чему осталось, все уж умерло помаленьку. Ты взгляни на меня, какая я есть.

Старуха встала перед Душиным и приподняла юбку, забыв про стыд, про любовь и всякое другое неизбежное чувство. Верно было, что на старухе немного осталось живого вещества, пригодного для смерти, для гниения в земле. Кости ее прекратили свой рост еще в детстве, когда горе труда и голода начало разрушать девочку; кости засохли, заострились и замерли навеки. Нажитое в молоке матери тело тоже впоследствии истощилось в ручном труде, способном прекратить не только старуху, но и еще двадцать человек, если б только законы природы и людей не расхищали плоды ее согбенного усердия. Но это расхищение коснулось даже самой плоти старой крестьянки, и она была раскрадена и уничтожена почти без остатка, — только в умозрении можно догадаться, как случилось такое событие, — но тех, кто именно съел живой вес старушки, можно было собрать фактически и убить. И вот теперь Душин видел ничтожное существо, с костями ног, прорезавшимися, как ножи, сквозь коричневую изрубцованную кожу. Душин нагнулся в сомнении и попробовал эту кожу — она была уже мертва и тверда, как ноготь, а когда Душин, не чувствуя стыда от горя, еще далее оголил старуху, то нигде не увидел волоса на ней, и между лезвиями ее костяных ног лежали опустившиеся наружу темные высушенные остатки родины ее детей; от старухи не отходило ни запаха, ни теплоты. Душин обледал ее, как минерал, и сердце его сразу устало, а разум пришел в оже-

сточение. Старуха покорно сняла платок с головы, и Душин увидел ее облысевший череп, растрескавшийся на составные части костей, готовые развалиться и предать безвозвратному праху скупко скопленный терпеливый ум, познавший мир в труде и бедствиях.

— Придет зима, и я соседу пойду поклонюсь, — сказала старуха, — и у богача в сенцах поплачу: все, может, пшена подживусь до лета, а летом уж погибелью своей буду оплачиваться — за мешок полтора мешка... Разве мы богу одному только кланяемся — мы и ветра боимся, и гололедицы, и ливня, и суши, и соседа, и прохожего человека, — и на всех крестимся! Разве мы молимся оттого, что любим! Нам и любить-то нечем уж!

Она задрала кофту и показала грудь — на ней висели два темных умерших червя, влезшихся внутрь грудногоместилища, — остатки молочных сосудов, — а кожа провалилась между ребер, но сердце было незаметно, как оно билось, и вся грудь была так мала, что только немного и сухое могло там находиться, — чувствовать что-либо старухе было уже нечем, оставалось лишь мучиться и сознавать мысленно.

Такая грудь ничего уже не могла делать — ни любить, ни ненавидеть, но на ней самой можно было склониться и заплакать.

Душин отошел прочь, наполненный душой и скорбью. Толпа народа начала собираться с отдыха, и весь крестный ход, молившийся о дожде, направился назад, на деревню. Осталась одна старуха, говорившая с Душиным, и еще Лида Вежличева, бегущая из отцовского дома.

Душину удастся приспособить деревенскую мотоциклетную станцию к насосу для поливки полей вдов и красноармейцев, но приток воды оказался недостаточным.

Но председатель не огорчился и сказал:

— Пускай наука только каплю даст, мы выжмем море туловищем масс!

На другой день председатель, делопроизводитель и двадцать женщин с худыми мужчинами-бедняками повели воду под лопату вглубь полей, но ручей воды иссох уже вблизи водокачки. Из расщелин и земли, пугаясь влаги, полезли ящерицы, пауки, сухие членистые черви неизвестной породы и твердые мелкие насекомые, точно сделанные из меди, — они, следовательно, и должны наследовать землю, если тучи не соберутся в атмосфере.

Вдовы окружили Душина и начали ругать его за недостаток воды и за бедную силу машины. Душин выслушал их без боязни, а председатель произнес заключительное слово. Он глядел в туманное, томительное небо одичалого лета и говорил среди тишины природной безнадежности:

— О, граждане, не тратьте ваши звуки — среди такой всемирной бедной скуки... Стоит, как башня, наша власть науки, и этот вавилон из ящериц, засухи разрушен будет умною рукой. Не мы создали божий мир несчастный, но мы его устроим до конца. И будет жизнь могучей и прекрасной, и хватит всем куриного яйца. Не дремлет разум коммуниста, и рук ему никто не отобьет. Напротив — он всю землю чисто в научное давление возьмет... Громадно наше сердце боевое, не плачьте вы, в желудках бедняки, минует это нечто гробовое, мы будем есть пирожного куски. Я тоже ел три дня назад, жена моя лежит в гробу, детишки ходят к ней под крест, чтоб поглядеть, где ад, где мать родная их кричит свою мольбу! Но не горюет сердце роковое, моя слеза горит в мозгу и думает про дело мировое свое великое гу-гу!..

Председатель устал от жары и семейного страдания по умершей жене, хотя лицо его не потеряло доброты своих складок, и он сказал прозой бабам-вдовам, смотревшим на него с ужасом, как на представление, и с улыбкой любви, как на свою власть.

— Ступайте, женщины, копать канаву дальше, машина эта антервентка, она была за белых, теперь ей неохота лить воду в пролетарский огород...

Душину удастся усовершенствовать свою водопкачку, она начинает давать большой приток воды, но взорвался спиртогонный аппарат.

— Идите вот теперь, — сказала старушка, — идите мужика моего подымайте: мужчина весь обмер, свалился, и сердце в нем не стучит... Все для вас, чертей, кодей этот варил...

Душин равнодушно обратился к механику мотоцикла, учась быть хладнокровным среди событий. Механик представил старушку как жену старика, который варит круглые сутки самогон специальной крепости для снабжения мотора. Ввиду отсутствия прибора, измеряющего градусы крепости, старичок обычно брал в одну руку кружку, в другую кусок посоленной закуски, что-нибудь вроде картошки, и ожидал с посудой у отводящей трубки котла, пока оттуда закапает. Но нынче старичок не сразу раскушал качество топлива; он завернул кран на трубке, подложил дров в огонь и заснул с опорожненной кружкой и картошкой в руках; котел накопил давление, взорвался, и мощный газ выбросил старичка из самогонной избушки вместе с дверью и двумя оконными рамами. Сейчас старичок лежит и постепенно опоминается, а завтра начнется ремонт взорвавшейся установки.

— Чего же вы хотите? — спросил Душин у старушки. — Это авария, а сельсовет здесь ни при чем.

— Льготы какой-нибудь, — ответила бранившаяся старуха.

— Хорошо, я запишу, — ответил Душин и, вынув книжку, написал так: «скорее надо организовать мир на покой».

Старуха враз успокоилась. Душин дал механику устную инструкцию о насосе и пошел пешком по теплой ночи в Ольшанск.

Душин возвращается в Ольшанск. Там между Лидой и Щегловым начинается сближение.

В течение лета Душин писал по указанию Чуняева книжку об устройстве коммунизма на силе электричества, причем воображал себе электричество в виде могучего укрепленного укрытия, возведенного вокруг будущего, мирного подворья человечества, для защиты его от смертельного волнения природы.

Лида училась в подготовительной группе совпартшколы, но по вечерам была свободна и часто встречалась со Щегловым, который жил без изменения. Вдвоем они ходили по полям, сидели над оврагами и говорили разные ничтожные вещи; при этом Щеглов никак не мог понять ум или достоинство Лиды — она ничем не интересовалась, быстро забывала, чему ее учили, и была глупа и красива, как ангел на церковной стене. Но зато простота, как греющий ветер, жила в душе Лиды, и она часто обнимала Щеглова по дружбе, и не отказала бы ему ни в чем, если бы он захотел, потому что не ценила себя и ничем не гордилась.

Душин и Щеглов кончили курс. Состоялся выпускной вечер. Выступление Чуняева.

Чуняев открыл перед присутствующей молчаливой молодостью бесконечность истории и под конец осветил ее электричеством, прожектором пролетариата.

— В одной руке рабочий класс держит меч власти, — сказал Чуняев в безмолвный мечтающий зал института, — а в другой... другой же рукой он схватывает молнию науки, красную жар-птицу всего рабочего человечества... Да здравствует наш рабочий инженер, вооруженный ум пролетариата!..

После речи наступило торжество. Пришел малочисленный оркестр трудовой армии и начал робко играть первые вальсы мирной жизни. Студенты отвыкли танцевать, благодаря войне и теоретическим занятиям, и плохо шли под музыку, только одна Лида враз почувствовала мелодию и быстро приучила к ней движение ног. Однако на звук оркестра в зал института вскоре набрались с воздуха какие-то ожившие послевоенные девицы кухарочного образца и привели с собой под руку будущих пижонов. Они энергично освоили зал и показали класс по танцам молодым инженерам, которые держались в стороне от этой стихийной уличной юности. Но Лида не выдержала, она пошла в круг танцующих, и ее взял лучший парень, оценив достоинство ее красоты, а оставленная подруга того парня пошла в уборную, чтобы порыдать там от ревности

и приготовить химическую присушку своему ухажеру против черноволосой разлучницы.

В полночь Душин взял под руку Лиду и пошел гулять с нею, пользуясь светлой ночью; вместе с ними шел Щеглов, неся на груди свою мощную руку, как будто бы он держал невидимого ребенка.

Все трое шли в молчании, в неясности своей дальнейшей жизни, ибо революция в те годы была как пространство — открытое, свободное, но еще не заполненное — и его пустота висела над сердцем, как тревога и как опасность. Душин бормотал в уме слова об электричестве и населял им в своем воображении всю революцию. Он поглядывал иногда на дальние звезды и решал с успокоением, что это суть короткие замыкания тока в хаосе сил бесконечности.

— Сень, вас учили, сколько звезд на небе? — спросила Лиди у мужа. — Там, наверное, интересно!

— Их бесконечное число, — ответил Душин.

— Как же так? — с разочарованием опять спросила Лиди, она не знала — сколько это: бесконечно.

— А сколько же?! — допытывалась она.

— Говорят тебе — бесконечность!

Но Лиди была в недоумении: она привыкла воображать все слова в виде предметов и только тогда в них верила, а бесконечности вообразить не могла.

— Ну тогда — пускай! — сказала Лиди, отвергая бесконечность как несуществующее.

— Это ошибка, — произнес Щеглов, — бесконечности нету, мы просто не знаем еще, сколько звезд на небе, вот и все... А это число все равно есть. Если б звездам не было числа, то их бы ни одной не светило на небе...

— И верно что! — сказала Лиди, не понимая, но удивленно чувствуя простое соображение Щеглова.

— Но как весь мир-то стал быть?

Щеглов поглядел на нее с обычной кротостью.

— Наверное, не было ничего и законов никаких не было, — сказал он. — И случилось что попало — сразу все, как взрыв, и стало интересно...

Щеглов сам не знал, почему это казалось ему верным; ум его иногда думал без спроса, нечаянной силой своего внутреннего запаса, и легко показывал ясные пространства действительности.

Душин промолчал в недовольстве: он решил больше не разбазаривать своих сил на размышление о бесконечности, поскольку она не имеет отношения к человечеству на поверхности земли, к организованному устройству прекрасной жизни.

Они пришли в поле; свет луны освещал камни шоссеиной дороги и повисшие пыльные листья придорожной ракиты. Дорога уходила

в уезд, в тьму невежества и разорения, где сейчас спали люди, потерявшие смысл своей жизни в тягости разрушительного труда на буржуазию, в тифу и в побоищах войны. И только теперь — несколько месяцев — они увидели, что на земле стало тихо и начали пахать, сеять и трудиться сами на себя, и сила уставшего народа опять скопьялась внутри его. Снова восстанавливалось мирное течение природы, свободное дыхание всех ее материалов.

С жадностью глядел Душин в эту смутную окрестность; он знал способ учреждения повсеместного счастья — для всех мирных, трудящихся соединенных людей: это — электричество; и слюна собралась во рту Душина от предчувствия торжества пользы и разума. Верстак сапожника, печь для варки металла, лампочка на столе научного вождя, теплая вода для ребенка, хлебный плуг, мчащийся поезд, орошение, цветущие яблочные сады — все должно производиться могуществом электричества, дрожащей силой мироздания, действующей под руками человека.

Полагая, что и медицина получит развитие от электричества, Душин сжал локоть Лиды и решил любить ее сегодня ночью, истратив немного самого себя, а в будущем электрическая медицина сумеет восстановить его тело, пожертвованное на женщину.

Они стали возвращаться и пошли ближней дорогой. На околице города они перешли путь железной дороги и миновали депо. Позади депо рельсы уходили прямо в степь, но здесь не было езды, а на рельсах, обросших бурьяном, стояли мертвые паровозы — на целую версту вдаль. Двое юношей и молодая женщина с ними медленно проходили по фронту остывших, безмолвных паровозов, называя их по именам и прозвищам. Зигль, Балдвин, Щука, Воклен, Овечка, Э-пятинарный, Компаунд, опять Овечка...

Они остановились. Перед ними была машина «О-в 401». Со странной мечтой Душин и Щеглов потрогали свой паровоз и пошли на ночлег; они оба печально почувствовали, что революция все более бледнеет и постепенно проживается, машины умирают от усталости, и поля стоят пустыми; но Душин верил в экономическое, целостное восстановление всего ветхого и утраченного. Щеглов же попрощался с погибающим навсегда.

Чуняев велел навеки упразднить небольшую этапную прогонную тюрьму, где теперь жили десять человек устаревших контрреволюционеров. В эту опорожненную тюрьму поместили затем комитет по электроустройству губернии, а подвалы старого здания были назначены для складов и монтажных мастерских того же комитета.

Душин оставил железнодорожную будку и совместно с Лидой поместился в сторожевой тюремной башне, где была маленькая комната и открывался вид на все страны света.

Переехав на тюремную квартиру, Лида по целым дням сидела у южного окна и глядела в порожные, будто снящиеся поля позднего лета. Учиться в совпартшколе она перестала — у нее не было понимания науки, потому что она любила ни о чем не думать, скучать сама с собой, бормотать песни, глядеть в воздух или чувствовать что-нибудь простое и грустное в своем ленивом теле. Преподаватель статистики влюбился в нее со слезами на глазах и целовал несколько раз в коридоре совпартшколы, хотя Лида не знала даже слова «статистика».

— Пускай я дура, пускай я клетница*, пускай я попадаю, — говорила Лида сама себе и опускала голову на подоконник.

Щеглов ей приносил книги, но черноволосая женщина не могла их долго читать — ей хотелось самой действовать и чувствовать, а не смотреть, как чувствуют другие: это слишком завидно и скучно. По вечерам ей нравилось ходить в гости к одному бывшему товарищу Душина по институту — инженеру Стронкину, у которого была девятнадцатилетняя жена, красавица, красавица-растрепка, встававшая ежедневно в четыре часа дня.

Семен Душин видел, как жена его тоскует, но не мог беспрерывно утешать ее настроение, так как неотлучно, со всей страстью наслаждающегося ума, работал над проектами электрических станций. Он не мог ходить с ней в гости, потому что после работы старался сразу ложиться спать, чтобы беречь умственные способности для завтрашнего труда и не тратить их на пустяки должного удовольствия. Поэтому Лида ходила одна в гости к Стронкиным. Там она заставляла молодое общество: юноша хозяин заводил старый заграничный патефон, брали за руки девушек и женщин и, все время напевая про радость жизни, начинали шевелить нижними половинами туловищ. Лида танцевала без отдыха, потея от движения, теряя сознание в чуждых, очередных объятиях, в напряженной суеде торжествующих звуков мелодии, в бессмысленности своего бьющегося сердца. Растрепанная хозяйка, черноволосая, как Лида, и ровесница ей, плясала в мужских штанах и пела хрипло и великолепно, как цыганка.

После вечера Лида и Щеглов окончательно сближаются. Происходит это из-за жалости Лиды к одиозному, тихому Щеглову.

В час ночи неожиданно пришел Душин; он привел с собой громадного парня с розовыми девственными щеками, лет двадцати пяти. Этот парень, оглядев веселье и Лиду в штанах, сказал всем:

— Эх вы, сволочи отродье! Дать бы вам гвоздя, чтоб у каждого сразу встал вопрос о жизни или смерти!..

---

* Клетница (ж. бран.) — женщина дурного поведения (Даль).

Так как Лида была прекрасней всех, то этот малый сразу и подошел к ней:

— Ну ты, пупочек, дай мне пышку со стола в рот!

Лида еще не знала, кто это такой, и дала ему пшеничную лепешку:

— Ну на — трескай: ненормальный какой!

Но пришедший парень едва только донес еду до рта, как тут же получил «гвоздя» от кухарки — полотенцем по лицу. Парень обернулся к ней и, после маленького мгновенья, ухватил бабу поперек и пробросил ее в дверь, мимо пригнувшихся гостей; кухарка на лету открыла дверь и треснулась где-то в коридоре на сундук.

— Раз равноправие, — объяснил парень, — то фактически.

Душин молча оглядывал странное для него состояние людей — ведь их веселье не было основано на каком-нибудь уже достигнутом успехе, и оно представлялось Душину простой и гнусной стихией — вроде буржуазного пищевого сладострастия. От вида жены, смеющейся среди такой глупости и притом обтянутой в штаны, пропахшие неизвестным мужчиной, у Душина вначале жалобно завопило сердце; он прислушался к нему и отверг его: судьба людей решается не сердцем, а электричеством, и, кроме того, в Лиде его интересует лишь маленький уголок, деталь, и то лишь для того, чтобы не терять работоспособности от пристающей к нему из природы любви — и время от времени уничтожать ее в брачном акте.

Душин представил жене и Щеглову розового мощного парня, — он был его служебным помощником, старшим электромехаником Иваном Жареновым; после знакомства с Лидой Жаренов не извинился перед нею за хамство у стола, но отвернулся к стороне и стал багровым от прилива силы стыда.

Вчетвером они ушли от Стронкиных и на улице Душин попросил Лиду и Щеглова помочь ему с Жареновым ограбить старинный склеп принца Мекленбург-Шверинского.

— Нам нужны громадные средства для организации электрического хозяйства в губернии, — объяснил Душин. — Я просил у товарища Чуняева, а он говорит — подожди, госбюджета нет. А я ждать не хочу, я не могу расточать бесполезно время революции...

— Там золотая сабля лежит у принца и эфес ее весь в бриллиантах! — сказал Жаренов. — Мне дед говорил: он сам саблю и видел, при нем принца в цинковый гроб хоронили.

— А стальной косарь у тебя где? — спросил Душин.

— Дома, — ответил Жаренов. — Там и веревки лежат. Пойдемте скорей, пока ночь идет.

Сразу достать шпагу не удалось, т. к. искали не в том гробу. Продолжаются поиски средств.

В полдень пришел Жаренов; он украл где-то водопроводную трубу и положил ее в подвальный кладовый каземат, под канцелярией электрического комитета. Жаренову нечего пока было делать, и он волок разное техническое имущество отовсюду, где оно только ему попадалось: для электрических работ много потребуется инвентаря и приспособлений. Где Жаренову оказывали сопротивление — он грозил силой власти или просто давал «гвоздя» возражающему и тащил на плечах металлические изделия в фонд будущих электрических устройств. Но денег в электрической канцелярии не имелось вовсе и приступить к постройке хотя бы первой электрической станции было нельзя. Жаренов обещал принести сегодня вечером несколько сот миллионов рублей 20-го года, но неизвестно, как это выйдет. Он организовал во Дворце Труда большой платный вечер «научно-технических чудес», причем главным чудом было объявлено, что публика будет находиться три часа под водой. Для совершения этого чуда Жаренов предполагал повесить под потолок на крюк ведро с водой — тогда публика несомненно и по существу очутится под водой. А перед этим номером Жаренов хотел поиграть немного на гармонии, рассказать какую-либо чушь из жизни и кратко побеседовать в духе научного полета на луну.

— А тебя потом не избыют? — спросил Душин.

— Так ведь не до смерти, — возразил Жаренов. — Ну и что ж такое! А от меня-то сколько гвоздей влетит! Я, братец ты мой, тоже буду с мясом черпать — вовсю!.. Дай мне только часа на два, на три Лиду твою!

— А зачем?

— Пускай она со мной билеты продает, а потом убежит с деньгами домой!.. Мне же неудобно будет драться с деньгами в руках — еще отнимут!

Душин пошел к Лиде в ее комнату в сторожевой башне, застекленной кругом — со всех стран света. Лида лежала на своей кровати и следила, как идет время кругом в виде солнечного света и уже светит к вечеру.

— Что же ты лежишь все, как ерунда какая? — обратился Душин к жене. — Учиться бросила, ничего не делаешь, нам таких не нужно.

— Не нужно? — спросила Лида. — А я вам и не даюсь — вы меня не берите. Я сама себе нужна... Я тружусь так трудно, будто хлеб пашу...

— Чем же ты трудишься?

— Я расту. Я в детстве не доросла ведь от голода!

Говорить про то, что в ней уже лежит початок ребенка, Лида не стала — она решила его украсть от мужа, убежать отсюда далеко, спрятаться с ним и родить его в тайне и в одиночестве.

— Ты вот что, — сказал Душин, — сходи-ка с Жареновым во Дворец Труда и принеси оттуда деньги в мешке. У тебя есть мешок?

— Найдется, — ответила Лида и встала с кровати.

Когда они ушли, Душин долго ходил в пустой старинной тюремной крепостце; теперь во многих камерах стекла были разбиты, сквозь решетки прилетали птицы и ночевали на месте бывлых узников. Затем Душин сошел в подвальное помещение, в кирпичный просторный могильник, прохладный и скучный, похожий на общий склеп для бедняков. Здесь, наверно, казнили в старое время тех страшных, сосредоточенных людей, которые настолько не любили бессмысленную жизнь на свете, что без ужаса принимали смерть, потому что тело их было частью косного мира, мысль же, блесквившая истиной, мучиться не могла и темнела в пронзенном, исхудалом теле с гордостью непобедимости, хотя и убывала навсегда.

Сейчас в подвале лежали трубы, доски, железные крючья кранов, мотки проводов, моторные части, рычаги паровых машин и даже один небольшой церковный колокол. «Может быть, он тоже годится для будущей техники!» — сказал Жаренов, когда прикатил тот колокол. И Душин решил, что колокол годиться может: для противовеса, для устойчивости или еще для чего-нибудь.

Душин сел на моторную станину и загляделся в этот милый для него мир железной мощности, в эти руки рычагов, способные перевернуть убогий груз земли, в это спокойствие верной, хладнокровной диктатуры человека. Сердце Душина стало легким, ему сейчас никто не требовался — ни жена, ни человеческий друг, думать больше не надо над простым делом жизни — она освещена простым светом трудящейся науки, по земле надо идти и действовать, а не мучиться неподвижным размышлением и не привязываться сердцем к мнимости сердечного влечения.

Душин вынул из пиджака записную книжку, пересчитал по записи имущество в натуре, вытер тряпкой грязь и погладил рукою металл, удостоверившись в его факте, в реальности своего счастливого чувства истины.

Уже стемнело. Душин бдитительно замкнул подвал, проверил несколько раз надежность замка и пошел в комнату на сторожевой башне. Он лег на кровать Лиды и с мирным наслаждением подумал о том моменте, когда скромный разумный ключарь всего организованного человечества запрет в вечном складе всемирно-историческую истину, такую же фактическую, естественную и прочную, как инвентарь.

Душин задремал в изнеможении, все время наблюдая гаснущее небо, рождение звезд, смуглый загорелый цвет сухого лета на далеких полях; он видел все это, как будущее, как близкое достояние политической экономии и боялся, что там пропадет что-либо без учета и назначения.

Лидя пришла и засмеялась. Она принесла мешок с миллионами денег, собранных на вечер «чудес науки и техники». Душин тут же пересчитал все деньги с точностью и упорядочил их в пачки.

— Сеня! Дай мне рубликов на кофту и туфли: спекулянты продают, — попросила Лида. — Я ведь босая почти что хожу, и кофта вся худая — скоро груди вываливаться начнут.

Душин почувствовал жар ярости во всем теле: он мог отдать Лиде миллион золотом, если бы у него были такие личные деньги, но отдать средства, назначенные для электричества, он мог только после уничтожения своего сердца, потому что в Верховке и по всему свету носили иконы и жили костяные старушки.

— Не смей! — закричал он, прижимая к себе мешок, как ребенка. — Не трожь ничего — это не наши деньги... Мы электрическую станцию будем строить в Верховке! — прибавил он тише. — Там родина твоя была.

— А на шута мне теперь родина! — ответила Лида в сердечной обиде. — Я кофту хочу: я голодала на родине... А ты жадный, ты зажиточный, ты мне не муж теперь, ты кадет!..

— Пошла ты еще, стерва такая! — уже равнодушно сказал Душин, думая лишь о деньгах и работе. — Продай мою зимнюю куртку — купи себе что хочешь... А где Жаренов?

— А сколько дадут за твою куртку-то? — утешаясь понемногу, пыталась Лида. — Мало небось!

— На юбочку тебе хватит.

— А Ваньку Жаренова там бить, должно быть, начали, — говорила Лида. — Он мне велел убежать скорей, я схватила деньги и рысью...

— За что бить? — спросил Душин. — Чего они трогают человека?

— Ну, не знаю уж, все что было, обман, а деньги назад, говорят, давай.

Душин загодя отнес деньги в таинственное место тюрьмы и заложил их кирпичами в стенном провале. Пока он ходил, без него явился Жаренов, битый, рваный — не только по одежде, но и по живому мясу, — но счастливый, что спас деньги.

Шпагу нашли, но до возвращения Душина Жаренов и Лида успели снять несколько камней с нее и продать спекулянтам. Накупили наряды Лиде, еду, вина. Душин прогнал их обоих.

Позавтракав, Душин пошел к Чуняеву говорить о дальнейших перспективах электричества — ждать и жить в таком положении больше нельзя: народ всюду слаб и держится не телом, а революционной душой — запасом радости и надеждой. А нам нужна не столько радость, сколько политическая экономия, основанная на электрической технике.

Чуняев, когда пришел к нему Душин, сказал всем военным людям, бывшим в его кабинете:

— Выйдите вон на полчаса. Дайте мне слово с нашим инженером сказать!

— Садись, инженер!.. Гадко ведь дело-то.

— Что — гадко? — спросил Душин.

Чуняев набил махоркой деревянную трубку и закурил, утешая дымом беспокойство в уме.

— Все гадко. Мужик весь мордуется — от засухи, от беды, от дурости — и нас замордовал. Где же твоя молния, чтоб бедность рассечь? Ты же обещал... Написал книжку?

— Написал, она уже печатается.

— Завтрашний день прочтешь ее вслух нашему активу после партсобрания... Приходи! Я нынче вечером ляжу в чулан и обдумаю твой вопрос. Ничего у тебя не выходит?

— Нет, — ответил Душин. — Пробуем средства собирать, трудно... Рублей на тыщу золотом у нас есть кой-чего...

— Это — чушь, — в размышлении произнес Чуняев. — Вот госбюджета мы тебе дать не можем, вот что зря! Так ведь у нас и нету никакого бюджета — мы живем как-то суммарно и хаотично, красноармейские остатки доедаем... Слушай, а нельзя ли без денег электричество добывать?..

— А как же, товарищ Чуняев?

— Да прямо с неба, из какой-нибудь природной пропасти — откуда хочешь!

— Ненаучно, товарищ Чуняев!

— Ну, тогда не надо!.. Погоди, а науку нельзя выдумать получше, чтоб она бедноте была доступна?

— Электричество — самая дешевая наука, товарищ Чуняев. Электротехника — самая верная подруга бедных масс!

— Хорошо сказал! — обрадовался Чуняев. — Люблю я жить, люблю, когда ум сверкает предо мной... Трудно нам, но трогательно в сердце: хлеба вот мало, черного черта! Смотрю, понимаешь, на хлеб — и вижу в нем кулака: лежит темное глупое тело и пахнет теплым навозом. Сволочь, а не пища! А революция голодает! Вот идиотизм деревянной жизни!.. Ну, ступай, дай я бандитизмом займусь, приходи завтра в клуб нашей партии... Нет, постой!

И здесь Чуняев со стеснением, с неохотой выговорил Душину про вечер во Дворце Труда.

— Зачем ты так, товарищ Душин?.. На этом ничего не построишь, на срамных копейках! Ты народ вокруг себя собери, ты организуй его силу, объясни ему нашу мысль — вот где будут твои миллиарды! А обманывать нам не нужно, обставлять своих товарищей не надо, — кто же тогда будет строить электричество, если ты их обманешь!..

Чуняев отвернулся на окно и умолк. Душин вышел, не сказав ничего от своей тоски.

По дороге в тюрьму Душин зашел к Щеглову на черепичный завод; тот задумчиво чертил левой рукой паровую мельницу, а сердцем мечтал о Лиде. Душин подождал конца занятий, а потом направился со Щегловым по вечернему городу — по тому же направлению, как бывало они ходили, будучи еще отроками; им тогда казалось, что в мире стоит беспрерывное лето; зима и дожди не сохранились в их памяти.

Прогулка Душина и Щеглова к паровозному кладбищу, где стоит их паровоз. Разговор у паровоза.

— Митя! — сказал Душин. — Так жить нельзя: смотри, какой мрак кругом! Неужели нас похоронят в могилах бесследно? Ведь на свете живет Ленин!.. Давай строить электрическую станцию! Мы скоро организуем социализм и победим самую сущность материи!

Щеглов молчал: ему не нравилась гордость Душина, стремившегося к абсолютному техническому завоеванию всей вселенной; он не чувствовал в себе такой драгоценности, которая была бы дороже всего мира и была достойна господства. Щеглов имел скромность в душе и человека ставил в общий и многочисленный ряд случайностей природы, не стыдясь жить в таком положении; наоборот, эта скромность сознания позволяла ему думать над несущимися стихиями естественного вещества с максимальной тщательностью и усердием, не опасаясь за потерю своего достоинства. Он не верил, что в человеке космос осознал самого себя и уже разумно движется к своей цели: Щеглов считал это реакционным возрождением птолемеевского мировоззрения, которое обоготворяет человека и разоружает его перед страшной скрежещущей действительностью, не считающейся с утешительными комбинациями в человеческой голове. Поэтому Щеглов молчал.

— Не хочешь? — спросил Душин. — Ну ладно: я и без тебя обойдусь.

— Обойдись! — ответил Щеглов.

— Так ты против электричества и коммунизма? Ты не веришь?

— Нет, я не против... Ты скажи мне, по твоему проекту — сколько нужно меди на провода?

— Хорошо, я скажу: около миллиона тонн — на первую очередь!

— До свидания! — сказал Щеглов. — С такими проектами ты не победишь даже губернской тьмы, не только мрака вечности, как ты говоришь...

— Ты дурак и сволочь!

Щеглов близко и без волнения подошел к Душину.

— Семен, ты погляди, — он указал в ночь над пустыми пахотными угодьями. — Гляди, как тихо все и темно, под нами мертвый паровоз, в животе у людей переворачивается необрушенное просо, и даже не

хватает силы от голода, чтоб нормально билось сердце — оно бьется ре-
же... Ты понимаешь что-нибудь?

— Ну дальше!

— Дальше вот что... Когда у нас будет хотя бы одна тысяча тонн
меди, то из нее надо сначала делать копейки, а не провода...

— Ты мелкий, несчастный человек! В тебе мещанский умиш-
ко — почему я с тобой был товарищем — понять не могу!

По мосту гремела чья-то одинокая телега, лунная заря начинала све-
тить на востоке. Щеглов молча вытерпел слова Душина и сказал ему:

— Если бы ты слушал не свой ум, а весь тот мир, который ты хо-
чешь завоевать для чего-то, наверно, чтоб уничтожить его, если бы ты
стал простым, грустным, может быть, человеком, тогда бы даже телегу,
какая едет сейчас по мосту, мог использовать для электричества... Се-
мен! — ты знаешь что! На свете много всего есть... И у нас в губернии
найдется добро! Ты не мучайся из пустого воображения, ты гляди на
бедные предметы, собирай их по-новому, что тебе нужно! Вот река, по
мосту мужик проехал, там торфяное болото, вон тюрьма — сумей сде-
лать из этого электротехнику...

— Ты стервец, Дмитрий, и глупый человек — ты совсем не эле-
трик.

— Пусть... Ты только не обижайся. Ну, до свидания!

— Отныне и навеки, — произнес Душин и не подал Щеглову руки.

Щеглов молча сошел с тендера и пошел ночевать в свой угол — к
чужим людям.

Душин всю дорогу до тюрьмы говорил вслух ругательства и смеялся
над сволочью — бывшим товарищем, добивая в себе остывающее влече-
ние к нему.

Партсобрание в Ольшанске затянулось на позднее время, поэтому
доклад Душина об электроустройстве губернии пришлось отложить. Ду-
шин узнал об этом от Чуняева заранее и направился в одиннадцать часов
вечера домой. На улице шел осенний дождь, народу никого не было,
около клуба горела свечка в фонаре. Только близ фонаря ходил
взад-вперед одинокий человек, держа правую согнутую руку около гру-
ди; он сжался от холодного дождя и, останавливая шаги, слушал, как
жалобно скрипят ставни где-то в переулке, раскачиваемые ветром непо-
годы. Душин сразу узнал Щеглова, но молча ушел своей дорогой. Щег-
лов, наверно, прочитал в газете, что будет доклад Душина об электри-
честве, и теперь ожидал конца собрания, когда его пустят в зал.

Дома, в тюремной башне, Душин долго смотрел в темные поля, по-
ливаемые дождем, и думал о Лиде, исчезнувшей от него в этой мгле; он
не мучился по своей бывшей жене, но его брало раздражение от психи-

ческого неустройства людей, и он ясно сознавал ничтожность печали своего сердца.

— Плачь, плачь,— советовал он собственному жалующемуся чувству,— но помни: ты плачешь не одно на свете, и утешать тебя я не буду!

Он лег спать и стал думать об освещенных ночах коммунистического человечества, когда марш жизни будет продолжаться круглые сутки... Проснулся он в слезах; дождь на дворе перестал — там было тихо и темно, все люди еще спали, лишь где-то далеко, в тюремном подполье, пищали крысы.

Душин вытер слезы, зажег огонь в лампе и начал читать электромагнитную теорию света Максвелла; сердце его успокоилось, он был рад, что никого нету с ним — ни Лиды, ни товарища — и никто не ворует у него силу, необходимую для улучшения положения всего трудящегося человечества. Он прочитал в книге: «Пространство, насыщенное светом солнца, делается более электропроводным, чем тьма, и в то же время только в освещенном мире, а не во мраке развивается жизнь. Вспомним теперь, что свет солнца есть электромагнитная пульсация волн высокой частоты...» — Душин читал с наслаждением и, перелистывая страницы, разглаживал их рукой и глотал слюну жадности к науке. Вскоре настало утро. Душин оделся и бросился в деятельность по борьбе с мировым расстройством...

Через месяц в партбюро состоялся доклад Душина об электроустройстве губернии. В газете «Красная губерния» об этом докладе два дня печаталось объявление, поэтому в клуб загодя собирались серьезные люди Ольшанска: квалифицированные рабочие, старые и молодые инженеры, большевики, преподаватели политехникума, где учился Душин, агрономы, левые эсеры, командиры трудовой армии и прочие различные граждане. Щеглов тоже находился на задней скамейке. За красный стол президиума вышел Чуняев и сказал:

— Товарищи! Смыслом жизни Октябрьской революции была война с буржуазией всех стран и народов и разгром ее насмерть. Теперь эта задача разрешена отлично, но в чем же сейчас будет дальнейший центральный смысл Октября — пускай из вас каждый озадачится этим обыкновенным вопросом и что получится! Ясно, я уж думал сильнее всех, что народу нужно дать в первую голову хлеб и чтение, его нужно кормить и просвещать. Далее того — нужно запустить фабрики, починить железные дороги, подумать о новых пушках, о засухе, о пулях в винтовках, потому что враги живут за границей целыми, а мы оружие потратили, обороняться нечем, а война будет еще не одна, а целая серия... И вот встает перед нами загадка жизни Октябрьской революции! В чем дело, я вас спрашиваю! Дело пахнет смертью!.. Ко мне ходят всякие служащие, неизвестные люди: агрономы, скотоводы, доктора, левые эсеры

и прочая интеллигенция. Один говорит, что вся загадка, весь корень жизни в землеустройстве, другой хочет многопольный севооборот (а остальное, дескать, будь оно проклято!), третий человек считает, что надо рыть побольше полевых колодцев, тогда революции сразу легче станет, еще какой-нибудь, вроде эсера, аж волосы рвет на себе, но чтоб мужику покой дали на сто лет и рабочий жил для хлебных поселков как подсобная сила, чтоб, дескать, пролетарский город стал коллективным батраком у деревни... Но да не будет этого, прочь, говорю я таким... с большевистской жадностью ко всемирной, хозяйственной истине! Только товарищ Душин, наш советский молодой инженер, мысленно корябнул мне сердце об электричестве, поскольку этот факт может и пахать, и сеять, и воду таскать, и поезда возить, и освещать книгу читающему народу, и — все! Эта сила, товарищи, работает по-жуткому — одна и за всех, как пролетариат в человечестве, а все другие силы природы есть паразиты электричества!.. Ну пускай теперь Душин прочтет нам свою книгу, а мы послушаем и задумаемся. Давай, Душин, какая-нибудь больше всего, как нам организовать побольше хлеба и чтения...

К столу вышел похудевший, скромный Душин. Он негромко стал читать свое сочинение о применении электричества для социализма, и люди в зале сократили дыхание от внимания к словам инженера, который сосредоточенно внедрял электротехнику в хозяйственное вещество своей убогой, болящей, но любимой родины. Душин написал книжку с сухою страстью серьезности, с бдительностью единственной веры среди многих суеверий, с печальным чувством страдания рядового народа, разоруженного войной и нищетой перед лицом природы и буржуазии, с конечным расчетом завладеть всею бесконечной природой, чтобы она превратилась навеки в огороженный, устроенный двор человечества...

В трогательных местах чтения Чуняев открыто утирал слезы на подбровных глазах, а некоторые из присутствующих в то же время улыбались.

Душин замечал лишь эти улыбки иронии и с ненавистью поглядывал иногда в зал; только слезы и теплота большого тела Чуняева, сидевшего с ним рядом, успокаивали его. Когда Душин однажды сбился и забеспокоился, Чуняев, словно обо всем догадавшись, помог ему:

— Читай, читай... Что ты! Власть же в наших руках: пускай они ухмыляются, мы тоже не заплачем!

Душин понял, что надо быть равнодушным к улыбке врага пролетариата и электричества, и продолжал читать свое сочинение с достоинством владельца истины. Душин говорил о крайней экономичности по отношению к будущему миру людей, ибо это гораздо важнее сегодняшней любви и радости: ведь человечество еще копошится в детстве, поэтому оно способно разломать весь свет на свои игрушки и будущая об-

щественность очутится без имущества и погибнет бездомной. Душин напрыгся мыслью, он говорил сверх своей книги: электричество — вот эконо-
номия всемирного вещества от безумной растраты его в смертельный прах, в холод пространства; надо остановить бесполезных бродяг природы — небесные водопады ветра и нижние потоки воды — и жить за их счет, не тратя и не сжигая материи. Эта материя потребуется для социализма, для научного суждения о существе и назначении своей вселенной, для высшей страсти сосредоточенной общественной задумчивости. Переходная же, подсобная наша эпоха должна стараться жить путем использования бесполезного или неразрушимого — того же ветра, текущей воды, ветхих деревьев, мешающих расти новому лесу, и мертвой травы — торфа; в переходную эпоху, как в незначительное время, необходимо жить скупой, с терпением бедности, с напряжением всего тела на труд оборудования нового мира, с тщетой сердца, что нынешний человек есть лишь переходная, бесследная ничтожность, которая не будет иметь всемирно-исторической ценности и погибнет в забвении, как испитая забота, устарелая фигура...

Чуняев с нежностью глядел на собрание, но не хотел жить в дру-
гую, более торжественную, победную эпоху — он согласен был погибать без памяти в текущий период: черт с ним, будущим счастьем, когда незнакомые люди, может быть, сукины дети, станут великолепно существовать; он работал для спасения нынешней бедноты, а не завтрашней. В тот же момент Чуняев гордился, как партийный отец, блестящим, глубокомысленным инженером советской школы, выросшим полностью под теплой рукой партии. Он с важностью смотрел в залу, когда Душин касался теории или расчета электрических сил, и сдержанно смеялся, устранив слезы трогательности из глаз. Особенно его поразили понятия дрожащей частоты тока, высокого напряжения и бродячей электромагнитной волны, — он просто захохотал от радости, а потом бор-
мотал сам на себя ругательства за неприличие.

Оставив расчетную часть, Душин снова возвратился к людям и советовал жить теперь без роскоши, более согбенно, ибо основные истины жизни уже найдены: в общественности — это Ленин, а в производстве — электротехника. Для исполнения этих истин необходимо истратить без жалости в бою и в труде одно или два поколения: жалость и нежность, если они прихвоят, затормозят чувство и рабочую волю людей, неминуемо организуют капитализм с паровой машиной.

Щеглов слушал многое из того, что сообщал Душин, со стыдом и со страхом: ему не нравилась сама угрюмая вера бывшего товарища в электричество, обещающая — хотя бы и на время — согнуть людей в беде нужды, в тщетности личной жизни и в терпении. Щеглов не понимал необходимости в такой сухой кротости, и кроме того, Душин неверно сознавал электрическую энергию.

Бывшие преподаватели Душина сидели смиренно, с умытыми лицами покорности невежеству, которое они же воспитали в суете войны в этом студенте. Только один пожилой электрофизик Преображенский улыбался самодовольно и открыто, он знал, что электричество может делать лишь кое-что, но далеко не все — например, пахать поле оно не может. Мир, по соображению Преображенского, давно обветшал, и человеческая мечта за последние тысячелетия не дает результата: примерным неудачником был Иисус Христос, который с горя по умершему другу Лазарю изобрел воскресение мертвых, но осуществил это изобретение лишь в опытном масштабе — в случае с Лазарем и с самим собой; однако самого себя Иисус воскресил не вполне успешно: после воскресения уже не было его следов на земле, значит, он погиб. И в течение двух тысяч лет никто третий не был воскрешен из умерших: настолько медленно реализуются самые необходимые изобретения в нынешнюю эпоху равнодушных, утомленных поколений. Мир был прекрасен до его сотворения или до всемирного потопа, но в организационной остужающей дисциплине, потребовавшейся для сотворения мира (вероятно, всемирной империи с «богом» во главе), а возможно, после — в мутных волнах потопа — была навсегда изуродована, запугана, растерзана свежая творческая энергия жизни — «душа», и теперь «душа» замерла в старческой скудости, в испуге и молчании — на тысячи лет. Только изредка по «душе» человечества проходят волны воспоминания о своей прошлой свободе — тогда появляются Александр Македонский, Иисус, Ленин. Так полагал инженер Преображенский в своей склеротической, костенеющей голове, утешая себя, что близкий гроб ему не страшен, и он не ожидал, что неизвестная рядовая «душа» нанесет ему губительное поражение через несколько минут: «душа», оказывается, не помнила своих библейских бедствий. Преображенскому иногда самому казалось, что библия — его любимая книга — представляет собою собрание частушек древних народов, и он приходил в раздражение безверия.

Душин заканчивал. Он предложил построить три большие губернские электростанции, жгущие торф, дабы освободить земли, занятые торфом, для хлебных пашен; первая электростанция уже строится в бывшей губернской прогонной тюрьме.

Выслушав, многие не знали, что сказать, а кто знал, тот молчал некоторое время. Несколько рабочих, стеснясь, похлопали Душину в ладоши; им нравилась надежда на прочный и обильный машинный хлеб, им надоел голод с капризным нервным мужиком.

Чуняев сурово осмотрел собрание.

— Вы что же молчите, как невежды? Или Душин самый умный? А может, он пустяками здесь выражался!..

— Совершенно верно, — сказал с места Преображенский, — инженер Душин говорил здесь пустяки...

— А ну выйди сюда,— предложил Чуняев,— покрой Душина вслух, чтобы мы не одурели от этой магии...

Электрофизик инженер Преображенский вынул логарифмическую линейку и обратил к собранию свое умное, скучное лицо, казавшееся все еще молодым от точности худых, бледных черт. Наукой, простою, как привычка, говоря на память все расчеты, а линейку держа лишь для редкого жеста, Преображенский разрушил всю фантазию Душина.

— Осветить книгу лампочкой можно,— заявлял Преображенский.— Организовать чтение для трудящихся путем проводки электричества вполне мыслимо. Для сего потребуется двести тысяч тонн меди. Организовать же хлеб, как выражается товарищ Чуняев, нельзя,— для устройства электрической пахоты нужны уже миллионы тонн той же меди, не считая стали для тросов и плугов, специальных электропередач и так далее. Конструктивных трудностей я здесь не касаюсь. Хлеб, добытый таким способом, будет настолько дорог, что, если бы мы задумали пахать путем упряжки в плуг миллиардов насекомых, хлеб показался бы нам страшно дешевым по сравнению с электрическим хлебом...

— Эх вы, сукины сыны!..— сказал Чуняев обо всех, видя, что электричество погибает.— Душин, это верно, что он говорит?

— Верно в отношении меди,— ответил Душин.

— Неверно,— ответил с места Щеглов.

— Выдь сюда, раз неверно!— обрадовался про себя Чуняев.— Крой теперь старика, чтоб чудо жизни зря не пропало. Утилизируй что-нибудь!

Щеглов тоже вынул логарифмическую линейку и, придерживая ее подбородком и левой рукой, стал считать металл. У него вышло, что меди нужно по десяти килограммов на десятину и по пяти килограммов на избушку, чтоб по всей губернии организовать хлеб и чтение — пахоту и свет. Получилось всего тридцать тысяч тонн на губернию, а не миллионы тонн.

— Ложь, невежественная чепуха!— крикнул с места Преображенский.— Вы не электрик!

Щеглов ответил:

— Я и не хочу быть электриком, если вошь, на которой вы предлагаете нам пахать, Георгий Михайлович, пашет дешевле электричества. Такое электричество нам не нужно...

— Правильно, товарищ,— угрюмо и чуждо сказал Чуняев.

— Такую электротехнику надо уничтожить, а не учить ей нас. Вы не электрик, Георгий Михайлович...

— Вы мальчишка!— произнес Преображенский и омертвел лицом, сжав свое сердце в терпении ненависти.

— Ничего, я тоже скоро постарею,— сказал Щеглов, краснея от

стыда своего возраста.— Товарищ Чуняев, когда у нас опять будут базарные дни?

— А черт их знает: власти у меня не хватает, я бы давно их открыл. А тебе что?

— Мне нужно...

Ночь углубилась в свое время. Четыре семилинейных лампы догорали в партийном клубе, на дворе, прозябая, скулила от голода какая-то мелкая собака—она видела свет в окнах и надеялась на сытость. В остальном городе было мирно, ничего не слышно, народ спал, экономя свои силы во сне; только изредка покрикивал маневровый паровоз на станции. Неподвижные люди, проработавшие весь день на одном пшенином кулеше, слушали Щеглова, не помня своей нужды, с глазами, застланными воображением.

...В губернии стоит зима. В базарные дни сотни деревенских подвод едут порожняком с базаров на свои сельские дворы. На базарах находятся зарядные будки, где заряжаются аккумуляторы электричеством. Потом аккумуляторы крестьянин ставит в сани и едет в свою избушку. В месяц ему нужно всего перевезти пять пудов аккумуляторов, чтобы освещать свое жилище двумя лампами. Значит, чтение можно организовать почти без проводов...

— Хлеб нужней чтения, чего дурака валять! — сказал кто-то на собрании с раздраженным могуществом в голосе.

— Георгий Михайлович! — обратился Щеглов, осмелевший от ничтожности и ошибочности общей жизни.— Проверьте меня, в чем здесь неверно! — И стал чертить мелом на доске фигуры и спирали энергии.— Мы с вами сдавали зачеты в институте, теперь сдадим их перед голодающим рабочим классом...

— С вами я никаких зачетов сдавать не намерен! — ответил Преображенский.

— Как так не намерен? — воскликнул Чуняев.— Выдь сюда, тебе говорят! Тут не Щеглов-мальчишка стоит, а взрослый рабочий класс!

Преображенский вышел к доске.

Душин спросил его:

— Если мы по тонкому медному волоску направим очень слабый ток, не очень высокой частоты и резкого содрогания, вот в радио бывает такой ток,—то что будет с воздухом вокруг нашего медного волоска?..

— Воздух из диэлектрика станет довольно хорошим проводником! — сразу и равнодушно ответил Преображенский.— Воздушный слой вокруг медного волоска будет обладать способностью проводить энергию наравне примерно с углем... Что из этого?..

— Из этого? — переспросил Щеглов и покраснел от счастливого сердцебиения: природа отдавалась его непретендующему разумению.— Мы, Георгий Михайлович, сильные токи не собираемся переда-

вать на поля по толстым медным жилам. Мы проведем туда волоски в сотую миллиметра сечением! А сильный ток будем передавать по воздуху около этих волосков!.. Вам нужны миллионы тонн меди, а нам два-три десятка тысяч!

Чуняев оглядел собрание и вытер глаза от прилива настроения.

— Ученый,— сказал он к Преображенскому.— Допустимо ли пахать на волоске, или это дурачество, по-твоему?

Преображенский проверял расчет Щеглова на доске; он там замедлился, потом обернул к публике беззащитное, странное лицо, побледневшее настолько, что видны стали тени его костей, и ответил в тишине зоркого немного народа:

— Надо проверить в тяжелой работе. Но это — верно! — И Преображенский упал на пол мертвым туловищем: сознание сразу устало в нем думать и сердце сбилось с такта своей гордости.

— Ничего: он очухается! — определил Чуняев, когда люди пришли на помощь Преображенскому.

Здесь в залу пришел с улицы человек и дал Чуняеву бумагу в руки. Чуняев сначала прочел сам, а потом обратился во всеуслышание:

— Погодите там копаться!.. Из Москвы пришло радио по воздуху: там через четыре дня открывается Всероссийский съезд Советов и выступит Владимир Ильич! А после инженер товарищ Кржижановский делает доклад об... об чем-то это такое?.. Сердце — сволочь, истратилось на войну, ни музыки слышать, ни гения читать — никак не могу: прет слеза — и шабаш! Читай-ка сам! — Он отдал телеграмму радиотелеграфисту.

— Доклад товарища Кржижановского об электрификации всей страны,— сказал тот на память.

Люди на собрании встали со своих сидячих мест и задумались на ногах.

— Так, значит, мы правду тут думали! — в тревоге своей радости произнес Чуняев. — Социализм, стало быть, — это электричество в бедняцких руках. И больше нет ничего! Это молния, товарищи! Да здравствуют теперь наши все инженера — Душин, Щеглов и этот лежачий товарищ Преображенский! Пускай республика привыкает теперь есть хлеб и читать книги великих умов!.. Все! Пойдемте спать по семействам!

Собрание повернулось к инженерам и создало им овацию славы. Поднявшийся Преображенский тоже хлопал ладонями по отношению к Щеглову, не слышав слов Чуняева.

На улице происходила сухая метель устанавливающейся темной зимы. Душин и Щеглов вышли нечаянно рядом. Душин не обижался на успех Щеглова; ум его сосредоточился теперь на сознании своей бедности талантом и еще лучше стал убежденным в том, что миру нужнее всего такое тщательное и осмысленное устройство, при котором истина и благо вырабатывались бы автоматически, без мучительного смертного

напряжения; то, что один падает в обморок, а другой пользуется случайным соображением — это есть доказательство всемирного расстройства и беда безумия, — и Душин снова с удовлетворением чувствовал в себе сейчас истину и любил электричество.

— Митя! — сказал он Щеглову. — Давай снова дружить со мной!

— Давай, — согласился Щеглов. — Я с тобой не расходился, ты меня отогнал от себя.

— Нет, мир страшен, кругом стихия природы, контрреволюция, никаких вещей нету... А мы с тобой тоже предметы, нам нельзя терять друг друга и расходиться...

— Ты не знаешь ничего про Лиду? — спросил Щеглов.

— Нет, — сказал Душин. — При чем тут Лида? Что красивая? Все люди должны быть прекрасными — это вопрос пролетариата и электротехники.

— Не скучаешь по ней?

— Нет. Она глупая оказалась. Как ты изобрел передачу больших сил по волоску?

— Я не изобретал. Я читал Максвелла, потом Маркони и предложил их мысли для нашей пахоты. Ты ведь тоже с Преображенским изучал свет и высокую частоту!

— Мы тоже изучали, — ответил Душин.

Дома Щеглов неслышно разделся, чтобы не будить спящее семейство домохозяйина, и залез под одеяло в своем углу. Рука его болела от непогоды, он всю ночь ворочался, бормотал и видел разные короткие сны: вдруг Лида приехала обратно и подходит к нему: «Митя! Как же ты живешь так? У тебя ведь нет белья, ты спишь на сундуке, тебе хрустко, одеяло засалилось, по тебе клопы лазают... Иди ко мне!» Щеглов пробуждался и действительно обирал с себя клопов, а потом поскорее засыпал, чтобы продолжать видеть Лиду, но она пропала на всю ночь. Лишь под утро — на мгновение, в шуме проснувшихся ребятишек хозяйина — он увидел в бреду дремоты новую юную Лиду, черноволосую, невинную и простую, а где-то в отдалении стояла старая Лида, седая мать, и звала их обоих — Щеглова и свою молодую дочь, но куда она звала — было не слышно.

Щеглов проснулся. Одевшись, он вышел наружу. Повсюду лежал светлый, далекий снег, тихо стояли деревья; голоса людей звучали, как счастливые, в испитом прохладном воздухе зимы. Щеглов ушел в поле и проходил там весь день, забыв про службу на черепичном заводе. Вечером он пришел к своему холодному паровозу № 401, забрался в его будку и заснул там у пустого котла, ничего не евши.

Ночью он встал, оправился и хотел сейчас же пойти на вокзал и уехать в Москву, чтобы увидеть там Лиду, жить в центре революции и наслаждаться каким-нибудь счастьем. Он долго размышлял в недоуме-

нии, потом заплакал и растер слезы, опустив лицо на рукав правой высохшей руки.

Терпеливое забвение простиралось вокруг него по всей губернии. Щеглов огляделся и опомнился.

Нет, я здесь буду жить...

Все главные безымянные люди трудятся на революцию здесь, в самых скучных местах мира, и слава или наслаждение в теперешнее время были бы для них срамом.

Щеглов покинул паровоз и пошел к дому мимо кладбища, где лежали в земле его отец с матерью, братья и сестры, мертвые навсегда, забытые всем человечеством. Он решил пожить на свете еще лет двадцать или тридцать; он хотел увидеть когда-нибудь Лиду и ее взрослую дочь в летнем свете нового мира, когда наступят на земле неизвестная радость и неизвестное горе. В полное, сокрушительное покорение всемирного вещества Щеглов, как настоящий инженер, не верил, он чувствовал человека лишь как незначительное существо среди обыкновенных событий природы, — он был для человека беспристрастным товарищем, желающим ему освобождения из царства всякой мнимости, даже от мнимости своего всемогущества.

Но где свобода? — Она далеко в будущем — за горами труда, за новыми могилами мертвых.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В «Приложении» к книге мы даем материалы из досье Андрея Платонова, хранящегося в архиве КГБ, а также документы из следственного дела сына писателя — Платона, арестованного в возрасте пятнадцати лет и осужденного «за терроризм и шпионаж».

Думается, эти материалы, естественно дополняющие историю «Технического романа», откроют читателю новую, малоизвестную доселе страницу жизни Андрея Платонова.

I

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕКРЕТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Сов. секретно

НЕИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (изъятые при обыске)

АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

1. «ТРАГЕДИЯ 14-ТИ КРАСНЫХ ИЗБУШЕК»
2. «ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ»
3. «ТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАН»

МОСКВА—1933 г.

Найденная в архиве папка начинается документом, составленным оперуполномоченным 4-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Шиваровым. Шиваров Николай Христофорович (надо же, Христофорович — как Бенкендорф!) — тот самый печально известный «Христофорыч с Лубянки», через год, в 1934-м, он будет вести дело Николая Клюева (см. «Огонек» № 43, 1989), Осипа Мандельштама («Огонек» № 1, 1991). Шиваров, видно, считался у себя в ведомстве большим специалистом по отечественной словесности: он по-своему оценивает нашу классику.

СПРАВКА

Об авторе прилагаемых произведений—
Андр. Платонове

А. Платонов — сын рабочего и сам бывший рабочий, получил незаконченное высшее техническое образование и работал в системе ВСНХ как инженер-консультант по электростроению. За последнее время работает в тресте точной механики, где, как изобретатель электрических весов, премириван. На получаемое жалованье с этой своей работы Платонов и живет. Литературные доходы были относительно значительны в прошлом, но за последние два-три года он фактически не печатается и никаких гонораров не получает. Живет бедно.

Среду профессиональных литераторов избегает. Непрочные и не очень дружеские отношения поддерживает с небольшим кругом писателей. Тем не менее среди писателей популярен и очень высоко оценивается как мастер. Леонид Леонов и Б. Пильняк охотно ставят его наравне с собой, а Вс. Иванов даже объявляет его лучшим современным мастером прозы.

Из опубликованных произведений Платонова наиболее известны: «Рождение мастера» — первая повесть писателя; «Епифанские шлюзы» — основная идея в аналогии между Петровской эпохой и эпохой соцстроительства в СССР; «Впрок» — сатира на колхозное строительство.

За опубликование повести «Впрок» редакция журнала «Красная Новь» получила выговор и фактически только после этого Платонова начали прорабатывать и перестали печатать. Платонов тогда говорил: «Мне все равно, что другие будут говорить. Я писал эту повесть для одного человека (для тов. Сталина), этот человек повесть читал и по существу мне ответил. Все остальное меня не интересует».

Написанные после повести «Впрок» произведения Платонова говорят об углублении антисоветских настроений Платонова. Все они харак-

теризуются сатирическим, контрреволюционным по существу подходом к основным проблемам социалистического строительства.

Платонов пытался опубликовать полностью или отрывками некоторые из этих произведений, убеждая, что опубликование их не только допустимо, но и необходимо в интересах партии.

«...Нет ведь ни одного писателя, имеющего такой подход в тайники душ и вещей, как я.

Добрая половина моего творчества помогает партии видеть всю плесень некоторых вещей больше, чем РКИ».

Платонов читает свои произведения только своим ближайшим друзьям: А. Новикову и И. Сацу, и не пускает свои рукописи по рукам.

Приложение: три сатирических произведения А. Платонова:

1. «Технический роман» — даны наиболее существенные главы.
2. «Ювенильное море» — роман.
3. «14 красных избушек».

Оп. уполн. 4 отделения СПО ОГПУ
ШИВАРОВ

Из трех произведений Платонова, переплетенных в этой папке, только «Технический роман» до сих пор был неизвестен и не печатался. Текст пьесы «14 красных избушек» с незначительными разночтениями, любопытными, впрочем, для специалистов, совпадает с тем, что был опубликован в журнале «Волга», № 1, 1988 г.

Что же касается списка «Ювенильного моря», в нем есть неопубликованный отрывок, представляющий, как нам кажется, большой интерес не только для исследователей, но и для читателя. Приводим его здесь.

(На собрании активистов «заслуженная совхозная бабушка» Федератовна обвиняет своих друзей по партии в мягкотелости).

— ...Ему себя жалко!

Умрищев теперь остервенел от вида этой разумно-речистой старушки и громко приказал:

— Замолчи ты наконец, гнусная юмористка!

Афанасий же Божев, наоборот, — еще более стал чист на лицо и еще более добродушно и преданно глядел на старушку.

— Пускай она говорит, Адриан Филиппович, — попросил Божев Умрищева. — Иль ты самокритики не любишь?

— Люблю,— осунулся Умрищев.— Пусть только бабушка зовет меня впредь оппортунистом, а не классовым врагом. Я признаю свои ошибки, отрекаюсь от самого себя и обещаюсь, начиная с завтрашнего дня, во всюду соваться. Спасибо тебе, бабушка!

Божев тоже встал тут же с места и раздельно объявил, что старушка проявила сейчас необходимую бдительность и что в Умрищеве действительно есть нечто оппортунистическое, например, его лозунг: «в (?) ты не суйся!»; благодаря такому непрерывному влиянию оппортунизма, низовые звенья аппарата — тот же он, Божев,— действительно превращались как бы в искусственных классовых врагов, сами того бессознательно не сознавая; однако же он, Божев, давно уже чувствовал какое-то горе, только не мог его выпукло осознать и от этого темного горя у него давно болело сердце и теперь болит; больше того, у него даже неизвестно отчего иногда поднимается температура, а однажды он видел сон, что его порет ремнем пролетариат, и он проснулся в ужасе и в поту, но чувствовал почему-то, что пролетариат в основном прав. Однако он не будет, как Умрищев, откладывать свою перестройку до завтрашнего утра, это есть оппортунистическая уловка, он уже сейчас чувствует себя довольно сильно перестроившимся и любит бабушку Федератовну, как смена, как сын и как внук.

— Ах ты, мерзкий, ах ты, личность гнуснейшая,— шептала Федератовна помимо общего внимания.— Да я б тебя задушила, если бы родила...

Далее в досье Платонова имеются невесть как попавшие туда два документа, касающиеся его биографии и литературной деятельности.

В КОМИССИЮ ПО ПРИЕМУ В ЧЛЕНЫ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

З а я в л е н и е

Прошу принять меня в члены Союза Советских Писателей. Сообщаю о себе следующие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество — Платонов Андрей Платонович.
2. Возраст — 33 г.
3. Социальное положение — в прошлом рабочий, теперь литератор.
4. Партийность — беспартийный.
5. Образование — высшее специально-техническое.
6. Литературный стаж — печатаюсь с 1918 г.
7. Какие имеете произведения и где напечатаны — отдельные книги:

«Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», «Происхождение мастера»; 2 книги ранних произведений (напечатаны в провинции — 1 в Воронеже, 1 в Краснодаре); несколько повестей и рассказов, напечатанных в журналах «Октябрь», «Нов. мир» и др.

8. Критические отзывы и где напечатаны — о работе 1918—1923 гг. (сочинения печатались в прессе, журналах и книжках в провинции) отзывы были положительные; эти отзывы печатались в «Изв. Ворон. Укреп. Района», в «Коммуне», в журн. «Зори», «Изв. Куб.-Черном. Ревкома» и в др. изданиях. В Москве — «Печать и Революция» (В. Брюсов) — др. отзывов не помню.

О работе с 1927 г. были отзывы в «Нов. мире», «Кр. Нови», в ленинград. «Звезде» — больше не помню; отзывы были преимущ. положительн. характера, но указывались и дефекты; о двух рассказах — «Усомнивш. Макар» и «Впрок» — были даны отрицат. отзывы в центр. прессе.

Сейчас у меня принято несколько произведений к печати; из них напечатан только один рассказ.

9. Общественная деятельность — работаю в Туркменской Комиссии Оргкомитета.

10. Место работы —

11. Личный адрес: Тверской бульв., д. 25, кв. 27.

Подпись: Андр. Платонов

Числа 19, месяц — май, год 1934.

АНКЕТА ЧЛЕНА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фамилия, имя и

отчество

Платонов Андрей Платонович

Год и место

рождения

1899 г., г. Воронеж

Соц. происхождение

Сын рабочего

Место работы и занимаемая должность

Прозаик — работает на дому

Национальность

Русский

Образование

Высшее. Окончил Воронежский
полит <ехн> ический ин-т, Электротехни-
ческое Отделение в 1922 г.

Партпринадлежность

Беспартийный

Пребывание в других партиях.

Указать в каких состоял,
сколько времени и почему
выбыл

Не состоял

Служба в царской армии,
в белой армии

Не служил

Служба в Красной армии

С апреля 1919 г. по 1920 г. (январь) —
служил в отряде ЧОНа — рядовой
(пом. машиниста паровоза). Состоит
на учете в Советском РВК г. Москвы —
проходит переоаттестацию

Судимость

Не судился

Пребывание за границей

Не был

Есть ли родственники
за границей

Нет

Знание иностранных
языков

Не владеет

Кто из родственников
репрессирован

Сын Платонов Платон Андреевич был
осужден на 10 лет (политич. статья) —
в наст. время Пленумом Верховного Суда
приговор отменен 16/ХІІ—39 г. — есть
сведения, что он будет вполне реабили-
тирован. (В наст. время сыну 17 лет)

Семейное положение

Женат. Жена Платонова Мария Алек-
сандровна на иждивении мужа

Домашний адрес

Тверской бул. д. 25, кв. 27

Дачного адреса нет

Чем занимались до
революции

Работал на производствах (Трубочный
з-д, жел. дор. мастерские и др.) в ка-
честве рабочего-литейщика

ПРИМЕЧАНИЕ:

1920 г. «Электрификация»

Научно-
популярн.

1922 г. «Голубая глубина»

Кн. стих.

1927 г. «Епифанские шлюзы»

Кн. прозы

1928 г. «Сокровенный человек»

1931 г. «Происхождение мастера»

1937 г. «Река Потудань» (выходит в бли-
жайшее время)

Перечислены лишь издания в виде отдельных книжек; сочинения, напечатанные в разных журналах («Кр. Новь», «Нов. мир», «Октябрь» и др.), но не изданные в отдельных книгах — не перечисляются.

В настоящее время работаю над книгой «Путешествие из Ленинграда в Москву»; в промежутках этой главной работы написал несколько небольших рассказов и статью для «Лит. критика» — Пушкин и Горький.

II

Любовь к сыну у Андрея Платонова оказалась поистине трагической.

В 1925 году (сыну было тогда всего три года) Платонов писал жене Марии Александровне: «...Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от одного подозрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно, — я боюсь потерять его, потому что боюсь тогда умереть... Обними моего Тотку, моего милого потомка, ради которого я готов на все...»

Сын писателя Платон был арестован 29 апреля 1938 г. В то время он учился на подготовительных курсах, готовился к поступлению в ВУЗ.

Вскоре после этого А. Платонов направил в НКВД заявление.

«В НКВД

4 мая т. г. у меня был произведен обыск по постановлению № 2915 в связи с задержанием моего пятнадцатилетнего сына.

При обыске сотрудник НКВД изъясил детское духовое ружье и плоскоствольное охотничье ружье (т. наз. «Фроловка») — последнее, плоскоствольное ружье «Фроловка», принадлежит мне, а не сыну, поэтому прошу дать указание возвратить его мне. При обыске я уже заявлял об этом сотруднику НКВД.

Кроме того, при обыске изъяты две рукописи, написанные рукою сына; одна под названием «Наша любовь» (кинематографические сцены), другая — «Героиня» (пьеса). Сообщаю, что эти произведения мои, а не сына. Син только переписал их с моих экземпляров, напечатанных на машинке. Я ему охотно позволял это делать, потому что такая работа приучала его к грамотности и дополняла занятия по русскому языку.

Пьеса «Героиня», в частности, получила в свое время положительную оценку А. М. Горького (о чем есть его письмо ко мне, хранящееся теперь в Государственном Литературном Музее).

Я думаю, что эти рукописи не имеют, в сущности, отношения к моему сыну, а поэтому прошу их возвратить мне».

На допросе 9 июня — его вели капитан Найдман и старший лейтенант Геллерман — Платон рассказал о родителях: «Отец мой — писатель-сценарист

и рецензент, мать — литературный работник, работает в газетах и журналах... Родители относились ко мне, по-видимому, как к единственному сыну, с большим вниманием и на личные нужды выделяли мне ежемесячно от 100 до 150 руб. В остальном я находился на полном их иждивении...»

Платон и сам пробовал силы в литературе, свидетельство тому — признание: «Я направил в «Ленфильм» свой сценарий, который мне возвращен с отрицательной оценкой».

Допрошенный в то же время друг Платона, восемнадцатилетний студент Юрий Архипов, сын писателя Николая Архипова, дал показания, что и он тоже «сам пытался писать. Полагал после окончания рабфака поступить в институт на литературный факультет и специализироваться на литературном поприще...» Юрий признавался, что вел разговоры с Платоном «о советском искусстве и литературе и о том, как трудно писателям в советских условиях, обязанным казенной тематикой...»

ПРИГОВОР ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ОТ 23 СЕНТЯБРЯ 1938

Предварительным и судебным следствием установлено, что Платонов Платон Андреевич, 1922 г. р., являлся одним из руководителей антисоветской молодежной террористической и шпионско-вредительской организации, действовавшей в г. Москве. На почве морального и полового разложения Платонов П. А., вместе с другими участниками организации, ставил целью вести активную борьбу с Советской властью путем шпионажа, диверсий и террора и в целях изыскания средств для развертывания этой предательской работы пытался установить связь с германскими разведывательными органами.

Таким образом, установлена вина Платонова П. А. в совершении им преступлений, предусмотренных ст. ст. 58—1а, 17—58—8 и 58—11 УК РСФСР.

Военная Коллегия приговорила: Платонова П. А. подвергнуть тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением в политических правах на пять лет, конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества.

Срок Платон отбывал в Норильлаге. Чтобы спасти сына, А. Платонов обратился к М. А. Шолохову, как депутату Верховного Совета, с просьбой помочь. И Шолохов помог. 16 декабря 1939 г. Военная Коллегия по протесту Прокурора СССР приговор отменила и передала дело для дальнейшего расследования. Военный прокурор постановил: «Преступление П. А. Платоновым было совершено в 15 лет. Версию об антисоветской организации он сфантазировал. Необходимо допросить П. А. Платонова и провести психиатрическую экспертизу. Дело

направить в ГУГБ для дополнительного следствия. П. А. Платонова немедленно этапировать из Норильского лагеря...»

4 сентября зэк Платон Платонов был привезен в Москву, в Бутырскую тюрьму, на допросование.

ЗАЯВЛЕНИЕ П. А. ПЛАТОНОВА СЛЕДОВАТЕЛЮ,
12 СЕНТЯБРЯ 1940

Убедительно прошу у Вас разрешения на передачу из дома, главным образом, вещевую передачу, так как моя обувь и верхняя, и нижняя одежда настолько износились, что мне придется, идя к Вам на допрос, предварительно обернуться одеялом, а пальто и постельных принадлежностей вообще не имею...

Вещи и продукты могут быть переданы от мамы или от папы из Москвы, с Тверского бульв., д. 25, кв. 27 от А. П. Платонова или М. А. Платоновой.

В НКВД СССР

Недавно в Москву, в Бутырскую тюрьму прибыл на допросование мой сын — Платонов Платон Андреевич. Ему сейчас не исполнилось еще 18-ти лет, а во время ареста (весною 1938 г.) ему было всего 15 лет (он родился в 1922 году).

Мой сын уже 2 1/2 года находится в местах заключения. Я его ни разу за эти 2 1/2 года не видела, ни разу не имела возможности передать ему какие-либо продукты или одежду.

Я прошу теперь разрешить мне:

- 1) сделать сыну передачу продовольственных продуктов в Бутырскую тюрьму;
- 2) сделать ему передачу белья, обуви и верхней одежды;
- 3) выдать мне и моему мужу, отцу сына, пропуск в тюрьму — для свидания с заключенным сыном.

Я мать, я не видела своего малолетнего сына 2 1/2 года и я прошу разрешить мне помочь своему сыну и увидеться с ним.

Приговор в отношении моего сына отменен Пленумом Верховного Суда СССР в декабре 1939 г.

12/IX 1940

М. Платонова

В ПРОКУРАТУРУ СОЮЗА

Мой малолетний сын Платонов Платон Андреевич был арестован в апреле 1938 г. В декабре 1939 г. Верховный Суд отменил приговор в отношении моего сына, а дело его направил на доследование. Сейчас мой сын находится в Бутырской тюрьме, привезенный туда из Норильска.

За все 2 1/2 года, которые мой сын находится в заключении, я не имела возможности увидеть его и ни разу не сделала для него продовольственной или вещевой передачи.

Как мать малолетнего заключенного, я прошу Вас разрешить мне:

- 1) сделать для сына продовольственную передачу в Бутырскую тюрьму;
- 2) передать ему белье, верхнюю одежду и обувь;
- 3) выдать мне и мужу, отцу заключенного, пропуск в тюрьму для свидания с заключенным сыном.

Я убеждена, что просьба моя будет удовлетворена. Во всяком случае прошу Вас не отказать мне в моей просьбе и не лишить меня возможности помочь своему сыну.

17/IX 1940.

М. Платонова

Написаны эти два заявления рукой Андрея Платонова, хотя и от имени жены. Видимо, писатель считал, что так они подействуют сильнее, да и не хотел добавлять к делу свое крамольное имя.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА П. А. ПЛАТОНОВА 25 СЕНТЯБРЯ 1940

Все мои показания, данные в 1938 г. на следствии, не соответствуют действительности, так как эти показания мною навраны...

Я дал ложные, фантастические показания с помощью следователя, который меня допрашивал, — чего фактически не было, а подписал я эти показания под угрозой следователя, который мне заявил, что если я не подпишу показания, то будут арестованы мои родители.

На Военной Коллегии я показал, что писал контрреволюционные письма, но так как заседание длилось всего три-четыре мин., меня больше ни о чем не спрашивали.

Платон был освидетельствован в Бутырской тюрьме: «признаков душевной болезни не обнаружено». Новый следователь, оперуполномоченный Кутырев, переквалифицировал предъявленное ему обвинение на ст. 58-10.

26 октября Особое совещание при НКВД вынесло решение: «За антисоветскую агитацию зачесть в наказание срок предварительного заключения.

П. А. Платонова из-под стражи освободить». Стало быть, «вышая «милость» не пошла столь далеко, чтобы совсем снять «вину», лишь переделали статью!

Последний документ в деле — письмо Платона от 10 ноября, уже из дома: просит вернуть отобранную при аресте справку об образовании: «чтобы я мог продолжать образование». А реабилитирован он был только в наши дни — в 1990 году!

После освобождения сын писателя прожил недолго. Врачи обнаружили у него туберкулез в открытой форме, и в 1943 году он умер. Как написал Андрей Платонов, последними словами сына были: «Важное, важное, самое важное...»

6 июня того же года Андрей Платонов писал жене с фронта, из-под Курска: «Как ты там живешь, одинокая моя? Я так по тебе соскучился, так много есть что рассказать, так много есть чего писать. А главное, я так тоскую о холмике земли на Армянском кладбище... Я сделал здесь на войне столь важные выводы из его смерти, о которых ты узнаешь позже, и это тебя немного утешит в твоём горе...

Пишу о войне, а душа покоя просит. Тихая ночь войны, проникнутая взорами людей, таких, как я, бодрствующих в окружающем мраке, льется по земле. Невнятные звуки возникают во тьме, около нашей землянки, а потом снова безмолвие. Иногда во мраке светятся ракеты, висят они мучительно долго, освещая все зеленым, иногда синим светом, но потом все-таки гаснут.

И странно тебе покажется, но мне в такие ночи не так грустно. Мне кажется, что мой сын где-то там, в этом сине-зеленом мраке...»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Арестованное слово. Предисловие В. Шенталинского</i>	2
Технический роман	6
Приложение	35

**ЧИТАЙТЕ В ПОСЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ
СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»:**

Публицистику В. Кардина;
Стихи и эссе А. Вознесенского;
Рассказы В. Токаревой;
Стихи З. Гиппиус.

ПЛАТОНОВ Андрей Платонович

ТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАН

Предисловие, составление, публикация
В. А. Шеналинского

Редактор Г. А. Елин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 25.04.91. Подписано к печати 03.06.91. Формат
70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная пе-
чать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 2,94. Тираж
90 000 экз. Заказ № 458 Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография име-
ни В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- О. МАНДЕЛЬШТАМ. «Четвертая проза»;
Е. РЕЙН. «Непоправимый день»;
В. НИКОЛАЕВ. «Горсовет по-американски»;
С. ЛИПКИН. «Угль, пылающий огнем»;
Г. АКСЕНОВА. «Театр на Таганке: 68-й и другие годы»;
И. ЭРЕНБУРГ. «Неправдоподобные истории»;
Л. ЧУКОВСКАЯ. «Сверстнику»;
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. «Бессонница»;
К. БАЛЬМОНТ. «Где мой дом?»;
Ю. КАРАБЧИЕВСКИЙ. «Незабвенный Мишуня»;
В. РЕЦЕПТЕР. «До третьего звонка»;
Б. ЗАЙЦЕВ. «Братья-писатели»;
М. КВЛИВИДЗЕ. «Продолжение следует»;
Г. БЕЛАЯ. «Затонувшая Атлантида»;
А. АНАНЬЕВ. «Конец опричнины»;
Б. ПЕТРОВСКИЙ. «Два человека — одно сердце»;
В. СЕЛЮНИН. «Все у нас получится»;
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ. «История моего заключения»;
В. КОСТИКОВ. «Смерки свободы»;
Е. ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Заполярные ангелы»;
А. ПЬЯНОВ. «Утренние птицы»;
Г. РОЖНОВ. «Всесоюзный розыск»;
А. БЕЛЫЙ. «Первое свидание»;
В. КОРАЛЛИ. «Куплетист из Одессы»;
Б. ОКУДЖАВА. «Приключения секретного баптиста»;
С. АНТОНОВ. «Петрович».